

ОДЕССИТЫ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ВСЕМИРНЫЕ

ОДЕССКІЯ НОВОСТИ

газета политическая, литературная, научная, общественная и коммерческая.

в клубе "Юніонъ"
состоится
АНОНСЪ

ВЪЗЛЪНОВОЙ БИРЖИ
Въ этомъ домѣ въ страдѣ

Сегодня въ Концертномъ Залѣ
Марин Ивановны Долиной

состоится
ОДИНЪ
ТОЛЬКО
КОНЦЕРТЪ

известной артистки,
всесоюзной звезды

Ж. К. Яцери
П. Яцери

ГАЗЕТА ВСЕМИРНОГО КЛУБА
ОДЕССИТОВ

№ 1 (87).

Март. 2014 год.

С юбилеем!

Фото Олега Владимировского

Добрый день.

Где можно получить список членов ВКО, чтобы понять, кто мог бы дать мне рекомендацию?

Родился в Одессе и все детство провел на Торговой усадьбе Островидова.

Моя бабушка Катя, урожденная Каральник, была родом из очень известной одесской семьи.

Ее сестра Анна была замужем за доцентом строительного института Иосифом Циховым, ставшим видным советским математиком, создателем собственной математической школы.

Второй муж моей бабушки Александр Яковлевич Стыс до революции был вместе с отцом одним из известных еврейских меценатов, а после гражданской войны был одним из первых участников нэпа.

С уважением —

Александр Литовский.

Уважаемые одесситы, уважаемый президент!

Меня зовут Евгений Александрович Зароя, 14 декабря 1978 года рождения. Родился я в Ленинграде, живу и работаю в Санкт-Петербурге.

Прошу принять меня в виртуальные члены Всемирного клуба одесситов.

Я одессит в третьем поколении — я, мои родители и прадеды считали Одессу своим вторым домом. Не мыслю жизни без Одессы!

С благодарностью —

Евгений Зароя.

Добрый день. Можно ли устроиться к вам на работу редактором, журналистом или корректором? Могу прислать резюме. Есть опыт написания статей на русском, украинском и английском языках (18 штук — в научных журналах с научметрическими статистиками, 17 штук — написание тезисов конференций). Могу писать тексты в короткий срок на любые темы. И отлично рисую.

С уважением —

Марта М.

Здравствуйте!

Я с большим интересом обнаружил и прочел на вашем сайте некоторые работы Олега Гударя, посвященные Одессе. В нескольких из своих работ он упоминает семейство Савони. Дело в том, что я являюсь потомком генерала Еремея Яковлевича Савони и интересуюсь историей его семьи. Мне бы очень хотелось задать несколько вопросов господину Гударю, поскольку он, по всей видимости, обладает большей информацией, но, к сожалению, у меня нет его контактов. Поэтому я хотел бы попросить вас передать ему мое сообщение и адрес электронной почты.

Дмитрий.

Здравствуйте, Леонид Менделевич.

Немного с запозданием высылаю Вам адрес Игоря Моисеевича Чапковского, который собирал материалы о жизни и творчестве Ефросиньи Антоновны Керсновской и был близок с ней знаком.

Он и его семья являются хранителями её личного архива. С ним предварительно созванивались, он готов предоставить материал для Вашего проекта. Они оставили след в истории Одессы.

С уважением и в память о посещении Всемирного клуба одесситов —

Вади и Татьяна Сметевы и группа экскурсантов, православных христиан, из Твери (Россия).

Здравствуйте!

Подскажите, пожалуйста, можно ли приобрести в клубе два экземпляра недавно вышедшей книги С. Кессельмана с почтовой пересылкой в Россию? И остались ли еще в клубе экземпляры двухтомника В. Бабаджана?

Спасибо!

С уважением —

Владислав Резвый.

Здравствуйте!

Обращаюсь к вам по совету Натальи Рождественской, директора фонда "Нахимо-вец". Разыскиваю книгу Бориса Морозова "Торговая правда катастрофы" (2011 г.).

Насколько мне известно, она выпущена ограниченным тиражом в 300 экз., и найти её в магазинах крайне затруднительно...

Прошу вашей помощи в поисках и приобретении данной книги.

С уважением и наилучшими рождественско-новогодними пожеланиями —

Евгений Несмеянов.

Здравствуйте!

Меня зовут Екатерина. Скажу коротко: у меня несколько Домов. Но в силу того, что все-таки я родилась в Одессе и прожила пусть не много, но достаточно, чтобы понять, что я не стану ни россиячкой, ни грузинкой, ни армянкой... навеки останусь одесситкой, а одесситы — это уже национальность и это Счастье, потому что не выдержала (я долго собиралась...) и написала сюда, в ваш клуб. Хочу, чтобы стал он и моим. Заявление совсем короткое. Я буду раскрываться перед вами постепенно... Ведь женщина не сразу раскрывает свои объятия перед мужчиной.

Ну вот...

Извините за мое вступление такое. Иначе не могу. Спасибо. Буду ждать вашего ответа. Немного расскажу о себе. Меня зовут Екатерина. Мне 31 год. Проживаю в Крыму (г. Алустик, пгт. Партизний). Образование — высшее, в сфере иностранных языков. Работаю преподавателем иностранных языков. Занимаюсь научной деятельностью, связанной с литературой. В мои увлечения входят и музыка, и спорт, и иностранные языки, и литература.

Устав и цели клуба признаю. Готова помогать клубу.

Крымская одесситка

Ефименко Екатерина Александровна.

Большое спасибо за теплый дружеский прием во время моего визита — ваши радушие, юмор и оптимизм надолго сойдутся приятное настроение и желание приезжать к вам в гости вновь и вновь.

У меня есть несколько новостей о развитии идеи открытия филиала ВКО в Алматы.

Друзья познакомили меня с г-ном Бароном А.И. Это замечательный, приятный человек, весьма влиятельный в Казахстане (про другие страны говорить не буду — не знаю). Он является заместителем президента Ассоциации народов Казахстана (президент Ассоциации — сам президент Казахстана Назарбаев).

Он весьма позитивно отнесся к нашей идее и предложил поддержку и сотрудничество.

Кроме этого он предложил нам комнату в их помещении, где актив зарождающегося филиала мог бы собираться по своим вопросам, что мы и планируем сделать в ближайшее время.

Также мы с ним хотим предложить вам материал на диск (фотографии прекрасного местного фотографа, в количестве примерно 60 шт.) для организации в вашем клубе небольшого фотовыставки "Алматы".

В целом мы выработали стратегическое сценарийное костяк совета клуба (филиала ВКО).

Через несколько дней встречаемся с г-ном Бароном, будем обсуждать планы — у нас обоих есть идеи.

До конца месяца пройдет и первое организационное заседание правления.

Большое спасибо за поздравление и рассылку. Ресурсы сайта действительно огромны, изучать и изучать.

Поздравляю вас с наступающим Новым годом и желаю в новом году здоровья, счастья, успехов и хорошего настроения!

Виктор Тонгаренко. Казахстан, Алматы.

Дорогие друзья, уважаемый господин Рукман.

Хочу сердечно поздравить всех вас с наступившим Новым годом!

Желаю всем самого лучшего в наступившем году! Здоровья, успехов, новых друзей!!!

Я узнала, что в Одессе открыли представительство немецкого консульства, теперь вам легче взять визу в Германию. Приглашаю всех желающих посетить наш удивительный край, посмотреть, как живут одесситы в чужой стране. Могу устроить вам расселение, питание, экскурсии, вы узнаете много интересного.

Если вас заинтересовало мое предложение, пишите.

Член клуба одесситов Виктория Ральман. Германия, Кобленц.

Уважаемые господа Рукман и Комаровский.

Мой папа Илья Товарищ сейчас сидит рядом со мной, но я попросила разрешения сама обратиться к вам со словами благодарности за вашу работу и также с моей личной просьбой.

Дело в том, что это я затеяла все эти поиски с единственной — каюсь — целью: собрать документальные подтверждения воспоминаний отца и впоследствии с помощью документов попытаться привлечь внимание моих рожденных в Америке внуков к истории семьи и предшествующих поколений.

Зоя Товарищ.

Леонид и Аркадий!

Сообщение для одесситов Одессы и одесситов диаспоры.

Приглашает Израиль

Одесса — легендарный город на берегу Черного моря, подаривший миру не только анекдоты и легенды, но и великих людей, которые прославили город в науке и культуре.

Одесситы внесли особый вклад в создание Государства Израиль. Иммиграция из России в Эрец-Исраэль шла через Одессу, получившую название "ворот в Сион".

Великие писатели, мыслители, художники и сионисты — сыновья и дочери Одессы — внесли свой вклад в создание Израиля и посвятили ему свою жизнь. Одесса и Государство Израиль крепко связаны между собой множеством человеческих судеб. Жаботинский, Бялик, Дизенгоф, Тинксер, Клаузер, Мойхер-Сфорим, Ахага Ам, Черниковский и многие другие — все они родились в Одессе, но жизнь свою посвятили созданию и становлению государства, ставшего их главной Родиной и смыслом их жизни, Государства Израиль. Долгий путь от Мечты к Стране, начало которому было положено в Одессе.

Дабы не потерять эту связь поколений, сохранить традиции и культурное наследие одесского еврейства, израильский филиал Всемирного клуба одесситов под руководством Бориса Соболева инициировал проведение ежегодного фестиваля одесской культуры "Odessa Aviv" ("Одесская весна") в Израиле. Первый день фестиваля, 22 апреля 2014 г., пройдет в Хайфе, городе-побратиме Одессы. В центральном концертном зале "Аудиториум" состоится большой концерт с участием известных израильтян — выходцев из Одессы — и артистов-одесситов, открытие уникального памятника, выступление членов "Одеколона" (одесской колонии) из Америки, Германии, Австралии и много других сюрпризов. В фойе будет открыта выставка картин, карикатур и фотографий одесских художников.

Второй день фестиваля пройдет в живописном месте — деревне художников Эйр Ход на горе Кармель. В программе — угощение гостей блюдами одесской кухни и выставка-продажа работ известных одесских художников.

Третий день посвящен закладке (впервые на Святой земле Израиля!) именной рощи "Одесса", с участием депутатов израильского Кнессета и делегации Одессы. В дальнейшем в ней будет посажена тысяча деревьев в честь знаменитых одесситов и не только. На кажущиеся посаженные два дерева жертвователю будут вручаться именные сертификаты от Еврейского национального фонда и израильского отделения Всемирного клуба одесситов.

Все мероприятия будут освещаться в израильских и украинских СМИ.

Фестиваль организован при содействии Министерства обороны Израиля и израильского отделения Всемирного клуба одесситов.

Мы призываем вас оказать спонсорскую поддержку в проведении фестиваля и посадке деревьев в роще, носящей имя Одессы, города-побратимов сионизма, в стране, где их мечта осуществилась.

Информация по тел.: + 972-544-472-357. Номер счета для перевода пожертвований: IBAN: IL810204380000000193019 SWIFT CODE: MZBJLJ33 BANC: MZBLAN33 JFANOJ BRANCH: KANTON OROJ / 438 NAME OF ACCOUNT: AMITA IMAGE OF SUCCESS

Борис Соболев, филиал Всемирного клуба одесситов Израиля "А поговорить?"

Леня, спасибо за письмо.

С Новым годом! 2014 годом!!!

Я пересылаю это письмо нашей группе — кировчанам, СКБЛСовцам, ОЗЛСовцам. Все мы знаем и ценим ВКО, и всем будет приятно

но и интересно ознакомиться с письмом. Я думаю, многие захотят знать об этом и клубу.

Дальнейших успехов.

Триша, Марик и кировчане. 7 января 2014, Мельбурн, Австралия.

Уважаемый Леонид!

Уважаемые члены клуба!

Огромное спасибо за рассылку и память о тех, кто живет вдали от нашего с вами любимого города!

Передаю вложение всем моим друзьям-одесситам, которые еще не стали постоянными посетителями ваших страничек в Сети. Пусть приобщаются и знают, что они — одесситы.

От всего сердца поздравляю всех с наступившим уже Новым годом! Желаю всем здоровья и новых встреч с нашей любимой и нестареющей Одессой в реальном и виртуальном пространствах.

Искренне вам — Валерий (Москва).

Дорогой Леонид! Спасибо за очень интересные сведения, которые Вы мне прислали. А то, что рассылка материалов была 2 года назад, так меня вообще удивляет, как Вы с Аркадием вдвоем справляетесь с такой колоссальной и немилосливой нагрузкой. Но дай вам Б-г силы и здоровья продолжать Вашу столь благородную миссию.

С уважением и пожеланием всяческих успехов — ваш Ценный Григорий.

Уважаемый Леонид!

Большое спасибо за новогоднее поздравление и пожелания. Желаю вам здоровья и благополучия.

Особая благодарность — за вашу работу. Я получаю одесские новости и с огромным интересом их читаю.

Слежу за работой клуба. Летом 2013 года была в Одессе и заходила в клуб, но вас не застала. Надеюсь еще побывать в Одессе, надежда, как известно, умирает последней. Еще раз спасибо.

Татьяна (США, Нью-Йорк).

Здравствуйте!

Меня зовут Екатерина. Я представляю редакцию журнала "Ридерз дайджест" (www.rd.ru). Мы пишем материал об Одессе. Нас заинтересовал ваш клуб. Мы бы хотели задать несколько вопросов по телефону представителю клуба. Нас прежде всего интересуют информация о работе клуба, а также информация об одесситах, прославившихся в Америке. Статья планируется для март-апрельского номера журнала "Ридерз дайджест", а также планируются переписки в нескольких европейских странах также в журналах "Ридерз Дайджест". Готовы заранее прислать вопросы.

Пожалуйста, можете ли кто-нибудь ответить на наши вопросы?

Немного о нас.

Журнал "Ридерз дайджест" выходит в России с 1991 года и является одним из 46 изданий "Reader's Digest". Наш подписной тираж достигает ста тысяч экземпляров и распространяется по всей территории Российской Федерации. Содержание журнала разнообразно и включает материалы информационного и развлекательного характера для семейного чтения.

С нетерпением жду ответа.

Екатерина Борисова.

Уважаемый Леонид! Прочитал материалы об одесском футболе. Я хотел там найти упоминание о своем родном брате Михаиле Товарищук. Он прямо после возвращения с фронта два сезона играл в составе киевского "Динамо", а потом — в одесском "Тришине" несколько сезонов, потом, кажется, в "Черноморье". Ничего не нашел. Думаю, не там искал?

Илья Товарищук.

Друзья!

Пересылаю вам фильм о праздновании в клубе 4-летия! Снимал его профессионал — его зовут Спенсер, это видно с первых кадров фильма... Если кому-то из вас нужно сделать фотографии или снять фильм о событии... милости прошу к Спенсеру. Обнимаю.

Татьяна Стафеева. Ванкуверский клуб "Одессит".

70 лет назад, 10 апреля, Одесса была освобождена от фашистских оккупантов

Константин ПАУСТОВСКИЙ

Южная Пальмира

В августе 1941 года мы уходили из Одессы. Лето стояло дождливое. Короткие и частые дожди перепали над пустынным уже в те дни, но прекрасным городом. Теплый ветер, дувший с Босфора, мягкий левант мгновенно высушивал мостовые. От дождя оставался только знакомый всем, кто бывал в Одессе, запах нагретого моря и ноздреватого желтого известняка. Из него, как из окаменевшей пены, выстроены одесские дома.

Мы уходили, но твердо знали, что скоро вернемся в этот город — богатый и жизнерадостный, заражавший своими весельем и бодростью всю страну.

За Тилигульским лиманом мы заночевали в степи. Водитель нашей машины не спал. Он сидел на подножке грузовика, курил и смотрел на запад, где в темном небе загорались желтые бесшумные огни.

— Опять налет на Одессу, — сказал водитель. — Там бой, а здесь тихо, только кукуруза шуршит.

Водитель помолчал.

— С ума я сошел, что ли? — спросил он сам себя. — Весь день только одно воображаю: как я вернусь до себя в Одессу, на Ланжерон. Буду идти медленно, каждую калитку потрогаю, каждую акацию поглажу, посмотрю — может, она раненная немецкой ядовитой пулей. Вот так сию и представляю себе, как малый ребенок. Смешно!

Никто ему не ответил. То, что он говорил, было совсем не смешно.

Я тоже представил себе, как я иду через всю Одессу на Французский бульвар, где в густых садах всегда кричат цикады и ветер шевелит солнечные пятна на дорожках. Иду через весь город, прогретый солнцем, на каждом шагу останавливаюсь, смотрю, вспоминаю — и от воспоминаний и морского сквозняка, дующего вдоль улиц, тяжело бьется сердце.

Вот угол Екатерининской и Дерибасовской. Здесь всегда по вечерам стояли цветочницы. В тазах с холодной водой лежали груды роз, пионов, сирени. На ветвях деревьев, над цветами висели горящие фонари. Рядом сверкало электричество, но старая традиция сохранилась — цветочницы приносили с собой фонари, зажигали их, и мягкий свет смешивался с запахом цветов.

Приморский бульвар. Старые платаны. Порт внизу, под откосами — огромный, дымный. Брекватер, где с утра до заката одесские старики — насмешники и ворчуны — удили на "самодуры" веселую скумбрию.

Воронцовский маяк. Карантинная гавань. Отсюда еще в 1854 году Одесса дала первый

отпор врагу. Здесь стояла батарея прапорщика Щеголева, когда к Одессе подошла эскадра Гамелена. Шесть часов батарея отстреливалась от трехсот пятидесяти вражеских орудий. Сначала из четырех своих орудий, потом — из двух и, наконец, из одного. Неприятельская эскадра ушла, озадаченная упорством русских.

Памятник строителю Одессы Ришелье. Одесситы зовут его запросто — дюком. Дюк показывает бронзовой рукой на море, как бы восхищаясь его ширью и голубизной.

Городской театр. Пушкинская улица. В июле 1941 года дом, где жил Пушкин, был разбит бомбой. Остался только небольшой кусок стены с мемориальной доской. Прислонившись к стене, лежала сломанная акация. Листья ее еще не увяли, шумели от ветра и бросали тень на мраморную доску. В этом доме был начат "Евгений Онегин".

Мосты над портовыми спусками. Плоские испанские дома. Грохот знаменитых одесских окованных дорог. Флаг над таможней. Парки, аркады, живописные старофранцузские дома Пале-Рояля, фонтаны и — куда ни взглянешь — синяя стена моря.

Одесские базары. На них надо было приходить, чтобы смотреть и слушать. Смотреть на горы мокрых от росы помидоров, баклажанов, перцев, абрикосов, дынь, на глыбы зеленоватой брынзы и плоскую камбалу на обитых жестью прилавках. Слушать брызжащие весельем разговоры продавцов и покупателей.

Приморский бульвар, артиллеристы соединения гвардии полковника Ефимова производят салют в честь освобождения Одессы, 1944 г.

Фото предоставлено Интернет-проектом "Старая Одесса в фотографии", www.viknaodessa.od.ua.

Василий ГРОССМАН

Годы войны

(Страницы дневника)

Одесса

День взятия Одессы. Пересыпь. Пустынный порт. Клубы дыма. Грохот военной техники, вливающейся в город. Толпы людей.

Из здания гестапо выносятся обгоревшие трупы. Обуглившийся труп девушки с сохранившимися роскошными золотистыми волосами.

Первое заседание Одесского обкома. Секретарь обкома меня приглашает. Впервые я, беспартийный, присутствую на подобном заседании.

Много продуктов — сахар, пирожные, мука. Население ругает румын неохотно, из вежливости.

Одесские старики на бульваре. Их фантастические разговоры о полной реорганизации Советской власти после войны.

Поэт, напечатавший при румынах книгу стихов "Я сегодня пою". Его разговор со мной. Крайне противный. Вижу — под окном стоит его мать. В ее глазах безумный ужас за сына.

Евреи. Айзенштат Аммон — сын знаменитого раввина из местечка Островец. Ему спасла жизнь русская девушка, скрывала его у себя в комнате больше года. Его рассказ. Гетто в Варшаве. Восстание. Оружие передавали поляки. Польские евреи носили белую ленту. Бельгийские и французские евреи носили желтую ленту.

Треблинка под Варшавой. Лагерь уничтожения евреев. Под баней была камера с движущимися ножами. Тела рубили на куски, а затем сжигали. Горы золы по 20 — 25 метров. В одном месте евреев загнали в пруд, заполненный кислотой. Крики были так страшны, что окрестные крестьяне покинули дома.

58000 одесских евреев были сожжены живо в Березовке. Часть — в вагонах, часть вывели на поляну и, облив бензином, сожгли.

Рассказ секретаря обкома Рясенцева. Местом казни евреев являлась Доманевка. Казнь осуществлялась руками украинской полиции. Начальник полиции в Доманевке лично убил 12000 человек. В ноябре 1942 года Антонеску издал закон, дарующий евреям права, и массовые казни, длившиеся весь 1942 год, прекратились. Начальник доманевской полиции и 8 его ближайших сотрудников были арестованы румынами, отвезены в Тирасполь и там судимы. Суд приговорил их за незаконные действия по отношению к евреям к трем месяцам принудительных работ.

Особо бесчинствовал следователь, одесский юрист, русский — он для развлечения убивал 8 — 9 человек в день. Это называлось "ходить на охоту". Убивали партиями. Пулеметным огнем. Детей бросали живыми во рвы, усталые горячей соломой.

К моменту издания закона Антонеску в Доманевке осталось в живых около 380 одесских евреев и детские ясли на 40 человек. Они живы по сей день, раздеты, голы. Казнею было в Доманевке около 90000 одесских евреев.

Помощь оставшимся оказывал еврейский комитет в Румынии. Казни подвергались кроме одесских и румынские евреи. Их обманом путем привозили в Доманевку. Так был казнен один из крупнейших румынских миллионеров. Его заманили в Доманевку под предлогом организации эксплуатации местных керамических глин.

Среди участников пыток и казней были три еврея, они сейчас арестованы.

В Одессе евреев собрали, а затем отпустили. Потом их снова согнали в гетто на Слободку, 10 января 1942 года. Был сильный мороз, и, когда их гнали из гетто к поездам, на улице валялись сотни трупов стариков, детей, женщин.

Владимир РУДНЫЙ

Фронтвой дневник

10 апреля. Сегодня Одессу очистили от врага. Как и хотел Виктор Медведев, город заняли в солнечный день. Вчера к концу дня бойцы генерал-полковника Цветаева прорвали оборону немцев на перешейке между Куляницким лиманом и побережьем и вышли на северо-восточную окраину Одессы. Артиллеристы получили возможность держать под огнем выход из Одесского порта. Петр Захарович Базилевич, подполковник, начальник артиллерии Одесской военно-морской базы, рассказал мне: "17 марта вместе с Краснознаменным Новороссийским Отдельным подвижным артиллерийским дивизионом Солуянова мы добрались по бездоро-

жью в Чолбасы на пути в Херсон. Неделию спустя удалось переправиться через Днепр — бензина не было. Слили со всех машин бензин для одной батареи, но к Николаеву не успели. 6 апреля пришел долгожданный флотский бензовоз, заправил машины только одной батарее — старшего лейтенанта Бирюкова, это позволило нам догнать 5-ю армию, мы явились к генералу Цветаеву, он обрадовался морякам, поставил нам задачу занять в Старо-Дофиновке позиции и бить по удирающим из Одессы оккупантам". В 13 часов 20 минут 9 апреля батарея Бирюкова открыла огонь по каравану быстроходно-десантных барж, выходившему от Воронцовского маяка. Сразу

же были потоплены две баржи. Батарейцы видели, как взорвался нефтепирс в гавани, а за ним и таможенная гавань. Бухту окутал сплошной дым. Надо бы помешать разрушению порта, но на позиции стояла только одна морская батарея, она справлялась лишь с блокированием выхода из гавани. Опять неповоротливость тыла. На эти темы и летчики, и десантники, и артиллеристы разговаривают со мной охотнее, чем на любые другие. Рассчитывают на помощь газеты, понимают, что начался новый этап войны и для флота — возвращение на базы. Мне рассказали еще в Скадовске такой случай: из Потти в Скадовск от начпроды главной базы подполковника С. пришла директива вернуть пустые бочки изпод квашеной капусты, в противном случае скадовцы будут сняты со снабжения. Подумать только: еще в Крыму держится группировка противника, транспорт занят перевоз-

кой войск, снарядов, эвакуацией раненых, а начпрод требует загрузить железную дорогу пустыми бочками из-под капусты и отправить их вокруг света в Потти. Написал об этом фельетон и послал несколько дней назад редактору вместе с докладной запиской о художествах флотского тыла. <>

Побывали всем корреспондентским корпусом на знаменитой одесской лестнице, всем памятной по фильму "Броненосец "Потемкин", у памятника Пушкину, постояли над бухтой — там что-то пылает и рвется — и заняли "позиции" в доме № 15 по Греческой улице. Весь дом "оккупирован" представителями московских газет. С Василием Гроссманом и Володей Лясковским из "Комсомольской правды" живем на втором этаже, в квартире у старой одесской машинистки, она сохранила машинку "Ремингтон" и охотно для нас печатает.

МИХАИЛ ЖВАНЕЦКИЙ

КЛАССИКА ОТ КЛАССИКА

СОФЬЯ ГЕНРИХОВНА

Я говорю теще:

— Софья Генриховна, скажите, пожалуйста, не найдется ли у вас свободной минутки достать швейную машинку и подшить мне брюки?

Ноль внимания.

Я говорю теще:

— Софья Генриховна! Я до сих пор в не-подшитых брюках. Люди смеются. Я наступаю на собственные штаны. Не найдется ли у вас свободная минутка достать швейную машинку и подшить мне брюки?

Опять ноль внимания.

Тогда я говорю:

— Софья Генриховна! Что вы носите в квартире, увеличивая беспорядок? Я вас второй день прошу найти для меня свободную минутку, достать швейную машинку и подшить мне брюки.

— Да-да-да.

Тогда я говорю теще:

— Что "да-да"? Сегодня ровно третий день, как я прошу вас достать швейную машинку. Я, конечно, могу подшить брюки за 5 шекелей, но если вы, старая паскуда, влокли на мне эту машинку 5000 километров, а я теперь должен платить посторонним людям за то, что они подошьют мне брюки, то я не понимаю, зачем я вез вас через три страны, чтобы потом мыкаться по чужим дворам?

— Ой, да-да-да...

— Что "ой, да-да-да"?

И тогда я сказал жене:

— Лора! Ты моя жена. Я к тебе ничего не имею. Это твоя мать. Ты ей можешь сказать, чтоб она нашла для меня свободную минутку, достала швейную машинку и подшила мне брюки?! Ты хоть смотрела, как я хожу, в чем я мучаюсь?!

— Да-да.

— Что "да-да"? Твоя мать отбилась от всех.

— Да-да.

— Что "да-да"?

Я тогда сказал теще:

— Софья Генриховна! Сегодня пятый день, как я мучаюсь в подкатанных штанах. Софья Генриховна, я не говорю, что вы старая проститутка. Я не говорю, что единственное, о чем я жалею, что не оставил вас там гнить, а взял сюда, в культурную страну. Я не говорю, что вы испортили всю радость от эмиграции, что вы отравили каждый день и что я вам перевожу все, что вы видите и слышите, потому что такой тупой и беспамятной коровы я не встречал даже в Великую Отечественную войну.

Я вам всего этого не говорю просто потому, что не хочу вас оскорблять. Но если вы сейчас не найдете свободную минутку, не возьмете швейную машинку и не подошьте мне брюки, я вас убью без оскорблений, без нервов, на глазах моей жены Лоры, вашей бывшей дочери.

— Да-да-да. Пусть Лора возьмет...

— Что Лора возьмет? У вашей Лоры все руки растут из задницы. Она пришьет себя к кровати — это ваше воспитание.

— Софья Генриховна! Я не хочу вас пугать. Вы как-то говорили, что хотели бы жить отдельно. Так вот, если вы сию секунду не найдете свободной минутки, не достанете швейную машинку и не подошьте мне брюки, вы будете жить настолько отдельно, что вы не найдете вокруг живой души, не то что мужчины. Что вы носите по моей квартире, как лошадь без повозки, что вы хватаете телефон? Это же не вам звонят. Вы что, не видите, как я лежу без брюк? Вы кто, не можете достать швейную машинку и подшить мне брюки?

— Да-да-да...

— Все!!! Я ухожу, я беру развод, я на эти пять шекелей выпью, я удавлюсь. Вы меня не увидите столько дней, сколько я просил вас подшить мне брюки.

— Да-да-да...

Я пошел к Арону:

— Слушай, Арон, ты можешь за пять шекелей подшить мне брюки?

— Что такое? — сказал Арон. — Что случилось? Что, твоя теща Софья Генриховна не может найти свободную минутку, достать швейную машину и подшить тебе брюки?

— Может, — сказал я. — Но я хочу дать заработать тебе. Ты меня понял?

— Нет, — сказал Арон и за 20 минут подшил мне брюки.

ОН НУЖЕН ЗДЕСЬ

Он вцепился в меня рукой. Ему лет семьдесят.

— Постойте, вы же этот... который... ну помните мне... В Москве который... Который пишет для этого... Ну, помните? Ну вы же

этот... Который сам читает? Ну помните? Ну и с этими... Два.. этих... И он... Господи... Стойте! Стойте же... Это он. Ну он еще тут рассказывал про этих... Ну стойте... Напомните мне... Ну кто его помнит? Стойте, стойте... Вы же недавно по телевизору про это... Ну про что же?... Ну про... там куда-то ездили... вы Изя?... А если конечно?... Откуда я вас знаю?

— Не представляю.

— Вы племянник Розы?

— Нет.

— Но вы ее знаете?

— Нет.

— А в Америке у вас кто-то есть?

— Полно.

— Ну вот, скорее всего... Что же вы не здоруетесь? Стыдно, стыдно... Зайдите как-нибудь, я вам почитаю письма.

— Обязательно.

— Позвоните перед этим.

— Хорошо...

— Я же говорю, что я вас знаю. А вы: "Нет, нет". Я помню вашего отца. Он был часовщик?

— Нет.

— Да. Он не был часовщик. Я его помню.

А мама шила?

— Нет.

— Да, да. Я помню, помню. Слава богу, в мои годы. А где у них "Привоз"?

— Вот. До вокзала и направо.

— Да, да, я помню, помню. Если что-то будет от тети Розы... Она в Израиле?

— Нет.

— Да, да, точно, ее там нет.

— Простите, я вообще ее не знаю.

— А как же. Конечно. Она же умерла до того, как ты родился. Ты какого года?

— 34-го.

— А она умерла в 53-м. Все точно. Я тоже хотел уехать. Потом решил: что мне там делать? Здесь я всех знаю. Я всем нужен. Ты знаешь, что такое, когда ты всем нужен. Вот сейчас мне, например, сейчас надо в мастерскую. Мне сейчас надо починить утюг. Что бы я там делал? А здесь мне надо плитку починить. То есть ты понимаешь, как я всем нужен. Сейчас в Одессе плохо с этим... С как его... ну который горит... и я перешел на примус... Но его надо починить. Вот я ищу. Тут был Изя, на Привозной он был один... Нет. Мне там делать нечего. Я здесь нужен. Здесь такой был Аркадий. Это что-то! Но он уехал.

— Он здесь.

— Я знаю. Я иду к нему. Мне раскладушку надо заклепать. Он сейчас клекает? Ты не знаешь — клекает? Он мне заклекает. И примус починю. Где, ты говоришь, у них вокзал?

— Вот этот шпиль.

— У них там "Привоз"?

— Там вокзал.

— Да, там вокзал. А там "Привоз", и там Аркадий. Он мне все починит. А что бы я там делал? Кого я там знаю? Куда я с раскладушкой в Америке? Они даже не знают, как ее раскладывать. А заклепать?... Только здесь. Здесь мы свои. Звони, я тебе все напомним.

Я ВИДЕЛ РАКОВ

(Для Р. Карцева)

Я вчера видел раков по пять рублей.

Но больших.

Но по пять рублей...

Правда, большие...

но по пять рублей...

но очень большие...

хотя и по пять...

но очень большие...

правда, и по пять рублей...

но зато большие...

хотя по пять, но большие...

а сегодня были по три,

но маленькие, но по три...

но маленькие...

зато по три...

хотя совсем маленькие...

поэтому по три...

хотя маленькие...

зато по три...

то есть по пять, но большие...

но по пять...

но очень большие.

А эти по три,

но маленькие,

но сегодня...

А те вчера по пять...

но большие... но вчера...

но очень большие,

но вчера

и по пять,

а эти сегодня,

но по три,

но маленькие,

но по три. И сегодня.

А те были по пять,

но вчера,

но очень большие,

то есть те были вчера по пять и очень

большие,

а эти и маленькие, и сегодня, и по три.

Вот и выбирай,

по пять, очень большие, но вчера

либо по три, маленькие, но сегодня, понял?

Не всё, но понял, но не всё? Но все-таки

понял...

Хотя не всё, но сообразил почти, да?

Хотя не всё сообразил, но сообразил.

Хотя не всё.

Ну пошли. Не знаю, куда, но пошли.

Хотя не знаю, куда.

Но надо идти. Хотя некуда.

Уже три — надо бежать...

Но некуда... В том-то и все дело...

МЕЧТАЮ

Он пробрался ко мне в самолете Москва — Одесса и навис над моей газетой.

— Я не знаю, я не знаю, Михал Михалыч, я Одессу люблю.

— Ну так любите.

— Нет. Я хочу — вот я не знаю... Я хочу жить в Одессе.

— Так живите.

— Так я живу.

— Так что вам мешает?

— Ничего. Просто я очень хочу там жить!

— Так вы что, не можете?

— Могу.

— И живите.

— Так я живу.

— И живите.

— И живу. Мне просто очень хочется жить

в Одессе, вот что я хочу сказать.

— Не понял. А где ваша прописка?

— Там!

— Ну?

— Что?

— Так хорошо!

— Конечно.

— А если бы пришлось уезжать, вы бы не

уехали?

— Нет.

— Вы бы остались?

— Да.

— А что вы все время хотите сказать?

— Вот это.

— Так живите.

— Нет. Просто хочется жить там, где хочется.

— А... Ну а вы бы где хотели?

— В Одессе.

— А вы где?

— Там.

— А... Ну... Тогда тут уж ничего не поделаешь. И дети ваши там?

— Конечно.

— Ну, значит, придется жить там, где хочется. Тут уж ничего не сделаешь...

— Да, — вздохнул он.

— Такие вопросы решаются в молодости.

— Так я не старый.

— Вот, и вы не старый. Сидите уж там, где сидите, тем более что вы там сидите. Вам нравится?..

— Ой! Не знаю... Очень!

— Видите. Как складывается... Вы где?

— Ой! Ну не знаю... В Одессе.

— А хотели бы?

— В Одессе.

— Ну что ж. Столько людей мечтают жить в таком месте. Значит, вы не один.

— Да я и не жалуюсь.

— А вы о чем мечтали?

— Вот об этом.

— А вы поставьте вопрос по-другому. Зачем мне мечтать об этом, если я там живу? И сразу успокойтесь.

— Спасибо.

Идите. Одесса уже под нами.

С НОВЫМ ГОДОМ

И вот снова собралась наша компания. Невзирая на расстояния, невзирая на убеждения, невзирая на материальное и семейное положение.

Уходящий год был потрясением для всех и многообещающим для населения.

Обещали все. Это был лучший по обещаниям год. И как сказал мой друг Гаррик: "Но так хочется верить, так хочется верить — в последний раз".

Да, Гаррик. На этом и построены Кузбасс и Магнитка, Освенцим и Днепрогэс.

Не будем надеяться на что-то большое вроде общего счастья.

Будем рассчитывать на что-то мелкое и твердое. Толя купит велосипед. Ира залагает крышу. Митька поймет математику. Я еще чем-нибудь вас рассмешу. На остальное зарабатываем.

В последний раз предлагаю надеяться на себя. Будем счастливы снизу. Тогда смена властей не будет так радостна и так трагична. А пока подумайте о себе.

Злой не бывает счастливым.

Добрый не бывает одиноким.

Умный не бывает красивым.

Может быть, эти причины... у каждого...

За Новый женский год!

За подъем пресмыкающихся!

За вскакивание лежащих!

За рывок нерешительных!

За многообещающую встречу жен моряков

с курсантами высшего мореходного училища!

За этот вечер встречи четырех поколений!

За поцелуй молодости!

За крепкую руку старости!

За наслаждение этой старостью и возбуждение этой молодостью!

За общее движение от пения и танца к чтению и уму!

И как только каждый вдруг станет доволен своим результатом, от общего результата вздрогнут все!

И стол будет — как сейчас.

И мысли о еде — только во время еды.

И наши женщины будут не только украшать, но и двигать нами, разыгрывая тончайшие шахматные партии, вдвойне сложные, ибо им еще надо внушить нам, что это придумали мы, чтоб потом сказать: "Ну это ж ты так хотел". А мы не будем говорить им, что мы понимаем, что это придумали они, но внушили нам, чтобы мы подумали, что это придумали мы. Мы это прекрасно понимаем. Но... понимаем это поздно.

Ибо мы уже!

Мы уже!

Двигаемся по их наводке.

Хотя мы-то знаем великую тайну, что на самом деле мы двигаемся потому, что хотим этого сами, — так думаем мы, не зная, что и это желание внушили нам они. Как и эту жалкую мысль о свободе от независимости к положению на содержании главы семьи, от которого не зависит ничего всегда!

Хотя он думает внушенную ему мысль, что от него что-то зависит иногда!

Хотя и этот пост главы семьи мы давно и тайно передали им, по внушенной ими идее о бескровной передаче власти, чем выхлопотали себе несколько свободных дней в марте, с чем и поздравляем себя их словами.

Итак! С нашим счастьем! С этим годом! Когда на дворе плюс пять, а на душе плюс восемнадцать. Твои восемнадцать. Твоя молодость и надежда! И Бог с ним! Бог с ним! Бог с наступившим годом и этим всеобщим женским днем.

Анатолий ГОРБАТЮК

Новейшие истории из жизни одесских памятников

...Вот знакомый поворот —
Но ни дома, ни ворот!
И стоит в испуге Сёма
И глаза руками трет.
Дом стоял
На этом месте!
Он пропал
С жильцами вместе!..

Не уверен относительно нынешней детворы, а вот в моем, таком далеком уже, детстве эти стихи Агнии Барто знали все. Самое удивительное: основывались они на реальных событиях, происходивших в 1930-х годах в Москве. Согласно генеральному плану реконструкции города, были перемещены некоторые здания в центре, и не какие-то там халупы, а многоэтажные дома, для чего были предвзято установлены на специальные тележки. Чудеса, да и только!..

Нашего замечательного города эти новации в строительстве не коснулись, чему можно только радоваться, особенно учитывая сегодняшние реалии. Впрочем, нынешним "перестройщикам", если им необходимо что-либо грандиозное построить, типа многофункционального развлекательного центра, а на приглянувшемся месте стоит какой-нибудь обшарпанный памятник архитектуры, им в их светлые головы и мысль не придет искать дорогостоящее инженерное решение. Какой смысл, если есть столько способов решить проблему быстро и без серьезных затрат?

Наиболее распространенный способ решения — пожар. Только не подумайте, что строитель-толстосум будет ночью красться к мешающему ему объекту с тряпкой, вымоченной в керосине, — что за примитивизм! Просто однажды объект вспыхнет, аккуратно подожженный с нескольких сторон, воды в ближайшем пожарном гидранте не окажется, а пока доблестные пожарные раскатают шланги и подключат их к другому гидранту, уже останется только пепелище, обрамленное могучими старыми стенами. Как правило, причиной возгорания оказывается короткое замыкание (чтобы быть точным — короткие замыкания). Или же не соблюдающие правила пожарной безопасности бомжи — выбирай вариант на свой собственный вкус...

Вообще-то об исчезновении с карты Одессы памятников архитектуры уже столько сказано, что продолжение разговора на эту тему — бесполезная трата времени. А вот сама идея перемещения зданий меня "зацепила" после разговора с редактором "Всемирных одесских новостей" Евгением Голубовским, подбросившим мне любопытную идею. "Тебе, Анатолий, не кажется, что есть смысл памятники, которые в обозримом будущем могут появиться в нашем городе, сразу устанавливать на тележки? — сказал Евгений Михайлович. — Смотри, как в последнее время они лихо меняют места их первоначальной установки!"...

...Одесса, как и другие города Советского Союза, была буквально наводнена памятниками Ленину и Сталину. Счет шел на десятки: Ленин с кепкой (где-то в глуши даже умудрились поставить Ленина с двумя кепками — в руке и на голове), Ленин, куда-то зовущий, Ленин-оратор, Сталин в шинели, Сталин в кресле, Ленин и Сталин, Ленин и Горький... После потрясения, полученного от доклада Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС, от памятников злодею Сталину избавились чуть ли не в течение суток, а вот памятники дедушке Ленину, несмотря на огромное количество ставших известными просто ужасающих фактов его деятельности, долго еще "украшали" (кое-где и сегодня "украшают") улицы, площади и скверы больших и малых городов.

В Одессе все памятники вождю мирового пролетариата были демонтированы (не разрушены!) и перевезены в парк имени Ленинского комсомола еще в конце прошлого тысячелетия — специально для его немногочисленных поклонников. Впрочем, не все. Ветераны давно уже разоренного, а когда-то мощного судоремонтного завода, сегодня пугающего своими руинами прохожих на улице Приморской, с гордостью указывают на сохранившийся памятник Ильичу (между прочим, первый в Одессе), стоящий среди цехов-призраков. "Нам удалось сохранить его!" — с гордостью говорят ветераны, часто слыша в ответ: "Лучше бы попытались сохранить сам завод!"

Такой же заброшенный и неухоженный памятник Ульянову (Ленину) тоскует на территории когда-то мощного завода "Прессмаш", сегодня влачащего самое жалкое существование. Сработанный в камне, вождь когда-то ко всем "красным числам" календаря красился под бронзу, а нынче — кому он нужен? Как справедливо заметила Елена Удовиченко в газете

"Одесская жизнь", "будь он из бронзы или другого металла, его бы уже и в помине не было"...

...В начале улицы Ланжероновской, возле центрального входа в управление самой крупной в мире судовладельческой компании — знаменитого Черноморского пароходства, в 1983 году был установлен памятный знак, посвященный 150-летию основания ее прообраза, Русского общества пароходства и торговли (легендарного РОПиТа). Когда ЧМП, словно по мановению палочки злого волшебника, исчезло, памятный знак переместили на одну из аллей Центрального парка имени Т.Г. Шевченко — подальше от любопытных глаз туристов. Отметим, что знак этот совершенно четко вписался в интерьер аллеи, названной Суворовской: такой же неухоженный, грязный, с разбитой в постаменте облицовочной плиткой. Сирота — он и есть сирота...

...Известный американский искусствовед второй половины XX столетия Клемент Гринберг, которого специалисты считают одним из крупнейших критиков и теоретиков американского неоавангарда 30 — 60-х годов, является автором фундаментального труда "Авангард и китч". Он прожил долгую жизнь и ушел в лучший мир в 2000 году, в 91-летнем возрасте, за четыре года до появления в Одессе, в самом ее сердце, памятника Апельсину, который горожане, как всегда, метко назвали памятником Взятке. Вовсе не случайно, заговорив о Гринберге, мы сразу же вспомнили скульптурный шедевр, установленный в 2004 году на углу улиц Ланжероновской и Пушкинской: увидев его, американский искусствовед наверняка использовал бы в качестве иллюстрации к своей работе. Кстати, приведем несколько выдержек из нее: "Там, где есть авангард, обычно есть и арьергард... Одновременно с приходом авангарда на промышленном Западе возникло и второе культурное явление — то, чему немцы дали замечательное название "китч": рассчитанное на массы коммерческое искусство... Для того чтобы удовлетворить спрос нового рынка, был изобретен новый товар — эрзац-культура, китч, предназначенный для тех, кто, оставаясь безразличным и бесчувственным к ценностям подлинной культуры, все же испытывал духовный голод, томился по тому отвлечению, какое могла дать только культура определенного рода..."

Имеет ли право на жизнь памятник-китч, который, по выражению того же К. Гринберга, только "имитирует воздействие искусства"? Вполне! Но может ли он находиться в окружении истинных памятников классической архитектуры, таких как Археологический музей (архитектор Ф.В. Гонсиоровский, 1883), музей морского флота Украины (архитектор Г.И. Торичелли, 1842), дом, который одесситы и сегодня называют домом Г.Г. Маразли (архитектор Ф.К. Боффо, 1840-е)? Да ни в коем случае! Авторы этого до чрезвычайности перегруженного мелкими деталями памятника (здесь и "обездоленный" апельсин, и карета, и тройка лошадей, и верстовые столбы, и несчастный император, и даже фрагменты зданий), как и меценаты, попросту воспользовались отсутствием художественного вкуса у тогдашнего мэра. Мэра, который, кстати, не устал твердить, что Одесса — самый что ни на есть обыкновенный город. Потому достаточно быстро "Апельсин" сменил "место прописки" и оказался на бульваре Михаила Жванецкого — наиболее нейтральной территории в заповедной части Города: исторический центр совсем рядом, и в то же время — полное отсутствие сколько-нибудь значимых архитектурных сооружений. К последним, думается, ни один серьезный читатель не отнесет три высотки, которые еще относительно недавно были "украшены" собранными вместе словами "Ленин, партия, народ", смысл которых очень трудно было объяснить иностранцам...

Вспоминается "тележка Голубовского" и при взгляде на памятник одному из самых знаменитых одесситов — Григорию Григорьевичу Маразли, почетному гражданину Одессы, городскому голове в течение 17 (!) лет, когда Одесса становится одним из самых богатых и красивейших городов не только Российской империи, но и Европы, пожизненному председателю греческого благотворительного общества, выдающемуся меценату и благотворителю. В 1895 году, при жизни Григория Григорьевича (!), улица Михайловская (бывшая Новая) переименовывается в улицу Маразлиевскую. Редчайший случай, второй в истории — после графа Ланжерона!

Между прочим, в 1907 году городская дума принимает решение об установке бюста Маразли на Театральной площади — между Оперным театром и Английским клубом. Трудно объяснить, почему это решение не было исполнено.

В 2004 году как будто бы восторжествовала историческая справедливость: в центре Одессы, на Греческой площади, был установлен памятник Г.Г. Маразли. "Как будто бы" — потому что через довольно короткое время из-за очередного переустройства некогда очень уютной площади, которая в результате становилась все менее привлекательной, памятник был перемещен на улицу Маразлиевскую, что вызвало глухое недовольство греческой общины. Одесских греков понять можно: хоть формально все правильно (памятник Маразли — на улице его же имени), он оказался вдалеке от туристических маршрутов, а фоном ему служит серое, безликое здание постройки 1930-х годов. А может, это и к лучшему, потому что издевательств над Греческой площадью продолжают, а могучая община — как воды во рты понабирала...

Впрочем, ходят упорные разговоры, что очень скоро будет все же выполнено решение городской думы 106-летней давности и бюст Григория Григорьевича появится возле реставрируемого после пожара здания музея морского флота, в котором когда-то находился Английский клуб...

Чемпионом же по количеству перемещений, безусловно, является прекрасная скульптурная группа "Лаокоон и сыновья, удушаемые змеями", имеющая достаточно длинную (иногда — трагикомическую) историю и напрямую связанная с тем же славным городским головой.

А все начиналось в таком далеком уже от нас 1870 году, когда гласный Одесской городской думы и преуспевающий промышленник сорокаоднолетний Григорий Маразли, путешествовавший по Европе, увидел картину знаменитого испанского художника Эль Греко "Лаокоон" и, совершенно очарованный и сюжетом, и манерой его изложения великим испанцем, загорелся мыслью во что бы то ни стало приобрести ее. И наверняка бы свое желание осуществил, если бы не посещение в скором времени Ватиканского музея, где во Дворе скульптур (Бельведере) перед глазами одесского миллионщика предстало великое творение в цельной глыбе белого мрамора трех мастеров с острова Родос — по тому же сюжету! И хоть создано оно было еще в I веке до н. э., имена этих великих ваятелей не остались безвестными, и с некоторым трепетом мы назовем их: Агесандр, Полидор и Афинодор. А в нашей истории Эль Греко отходит на второй план, и Григорий Григорьевич тут же заказывает копию вмиг покорилившей его скульптуры, которая и была исполнена в каррарском мраморе молодым скульптором Карлом Чевраном. В том же 1870 году эта копия, оказавшаяся, по единодушному мнению специалистов самого высокого ранга, лучшей из огромного количества копий "Лаокоона", прибывает в Одессу...

Уже много лет в нашем городе бытует легенда, согласно которой Маразли подарил ее Одессе. Ничего подобного! Григорий Григорьевич, щедрый меценат и благотворитель, сделавший Городу и его жителям огромное количество подарков, увековечивших его имя (один только Художественный музей чего стоит!), "Лаокоона" решил оставить себе. Можно сказать, для личного пользования. Он установил его на прекрасной даче с захватывающим видом на Одесский залив в оконечности Мало-Фонтанской дороги (ныне — Французский бульвар). Он с гордостью показывает скульптуру многочисленным гостям, а гости у хлебосольного Маразли встречались далеко не простые. Как пишет одесский исследователь и писатель Родион Феденев, "в его доме на Пушкинской жил будущий король Филипп Эммануил, принцы крови бывали на его даче по Мало-Фонтанской дороге"...

Беда на дачу нагрянула в середине 1920-х, когда по предложению одесских скульпторов М.Ф. Безчастнова и М.В. Замечка конфискованными и национализированными (читай — разграбленными) скульптурами, что находились в собственности местных аристократов, начали украшать одесские площади и скверы. Так в 1927 году в Городском саду появилась скульптурная композиция "Лев и львица", исполненная в свое время талантливым французским скульптором Огюстом Каэном по заказу известного одесского сахарозаводчика Семена Бродского и украшавшая вход в его дачу, а чуть раньше — трогательные "Амур и Психея" нашли достойное место в Пале-Рояле...

С "Лаокооном" же что-то не складывалось у новой власти с самого начала. В 1924 году в "Одесских известиях" появился анонс, извещающий горожан о том, что в ближайшее время это чудо скульптурного искусства украсит своим присутствием бульвар Фельдмана (ны-

не — Приморский бульвар). Но почему-то не украсило. Более того, "Лаокоон" на несколько лет вообще выпал из поля зрения общественности, чтобы объявиться весьма неожиданно в 1928 году в небольшом скверике на углу улиц Троцкого (ныне — Преображенской, а ранее — Советской Армии) и Розы Люксембург (ныне — Бунина). Сквер этот последовательно назывался Полицейской площадью, площадью Кондратенко, площадью Розы Люксембург, а ныне — площадью Веры Холодной...

Вот что рассказывает о даче Маразли и о том беспокойном времени знаток одесской старины писатель Ростислав Александров: "...от дачи Маразли осталась прекрасная даже в заброшенности оранжерея и парк, против которого бульвар плавно поворачивает к морю". Вот в этом парке и простояли несколько десятилетий мраморные Лаокоон с сыновьями, обвитые змеями, — до тех пор, пока, по словам того же автора, не "...умыкнули этого троянского героя вкупе с сыновьями из парка Маразли в то злосчастное время, когда грабили дома и дачи... С тех пор многое изменилось, и бульвару, который долгое время носил имя Пролетарский, вернули исконное название, но Лаокоону некуда и не к кому возвращаться..."

Кстати, а что же наша скульптурная гордость? Довольно долго она простояла на этом шумном, но мало посещаемом туристами перекрестке, пока в 1969 году на нее не обратила внимания очередная сваливавшаяся на Одессу партийная "шишка", в смысле новый первый секретарь областного комитета партии. Только заинтересовала она последнего не изяществом линий и точностью пропорций, а бессовестным, с точки зрения так себе образованного партийного бонзы, изображением голых мужчин в людном месте, где ходят наши советские дети. Вот тогда и началось... Сначала "Лаокоона" осклопили (слава Богу, мраморного), потом привесли лавровый листок, но несколько иного колера, затем, с большим опозданием окружив ее глухим забором, продолжали издеваться над скульптурой. С опозданием — потому что одесский народ уже вдоволь насмеялся над попытками подчинить работу древнегреческих ваятелей идеям и методам социалистического реализма...

Впрочем, зачем мы все это рассказываем? Давным-давно эту жуткую историю с успехом поведал с эстрады известный юморист Геннадий Хазанов по тексту, написанному не менее известным сатириком Семеном Альтовым, у которого "Лаокоон" стал "Гераклом", а события перенесены в некий город N. Все же остальное — один к одному. Через какое-то время российский писатель и публицист Михаил Веллер рассказывает ту же историю, произошедшую якобы в Санкт-Петербурге, когда тот был Ленинградом. При этом утверждая, что в Одессе подобное вовсе не происходило. Вот чудак! Недаром, видать, к этому автору еще Сергей Довлатов имел определенные претензии, правда, по другому поводу...

А в Одессе, дождавшись, когда деятельный партийный вождь областного разлива получил новое назначение — в Киев, неравнодушные горожане привели "Лаокоона" в нормальное состояние, и в 1971 году скульптурный раритет оказывается перед Археологическим музеем. Ничего не скажешь: место вполне достойное и посещаемое. А территория в сквере, на которой стоял "Лаокоон", в 1988 году успешно заняли "Петя и Гаврик", герои замечательной повести Валентина Катаева "Белеет парус одинокий", исполненные в бронзе одесским скульптором Николаем Степановым. Знатки утверждают, что это было последнее скульптурное произведение, созданное в Одессе в советское время...

И все бы хорошо, да только на новом месте не дают покоя нашему мифическому семейству одноклеточные вандалы, из-за чего даже было предложено убрать "Лаокоона" в один из музейных залов, а на всеобщее обозрение выставить копию из полимерных материалов. Нам же кажется, что "Лаокоон и сыновья, удушаемые змеями" давно заслужили у Города спокойной старости под надежной охраной и возможности оставаться на последнем месте пребывания. На этот раз — уже навсегда. Ну не катать же, в самом деле, памятники по замечательному городу. Даже на специально предназначенных для этого тележках...

Р. С. Очерк был готов, когда стало известно, что одесские коммунисты, несколько легкомысленно представляющие продолжателями дела Ленина, в восторге размахивают решением суда, согласно которому "главный" памятник обожаемому ими идолу можно вернуть на Куликово поле.

Она говорила, как писала, и писала, как говорила...

Не сказать, что незаметно, но прошло-пролетело почти уже сорок лет с той поры, когда я познакомился с вдовой Ильи Ильфа милейшей Марией Николаевной, которая всегда была готова помочь тем, кого всерьез интересовали жизнь и творчество Ильфа и Петрова, тем более — их землякам. Я приходил к ней в последнюю квартиру Ильфа, в довоенный писательский дом в Лаврушинском переулке, где за стеклом стояла чернильница, знакомая многим по фотографии сидящих за столом Ильфа и Петрова, и лежало пенсне Ильфа с тщательно протертыми, как при его жизни, стеклами. Потом, после нескольких лет жизни далеко от Москвы, возвратился Александра Ильинична, которую, да уж простят меня те, кто почитает это нескромностью или фамильярностью, не называл и теперь не могу называть иначе, нежели Саша, Сашенька.

19 января 2012. Пожалуйста, извини, что не писала. Действительно была плоха. Снова не сплю, отчего имею бледный вид (во всех смыслах; кажется, к этому еще надо добавить "и холодные ноги"?). Не представляю, что будет дальше. Впрочем, надеюсь, что как-то обрзается. Еще раз извини. Не беспокойся. Я не умираю, а просто никуда не гоусь.

25 января. Жду Одессы! Возникла мысль — дурацкая, но благородная. Приехать, например, к вам ближе ко дню рождения Боречки (Бориса Давидовича Литвака, — **Р. А.**) и пробыть неделю, делая кое-что в музее <...> Как тебе это?

31 января. Вчера была в Доме актера по случаю 65-летия Вадика Жука (Жук Вадим Семенович, актер, сценарист, поэт, — **Р. А.**). От метро "Смоленская" пришлось идти пешком по Арбату до уровня театра Вахтангова. Это было далеко и ветрено. Я устала, как пес. Празднование проходило приятно и даже прекрасно. <...> Поздравления, стихи, песни, пляски и сценки из спектаклей были представлены весьма обильно. Вадик был во фразе и, как ему и полагается (жук же!), сучил лапками и распускал крылья. Народу было — тьма. Сидели даже на ступеньках, хохотали хохотали. <...> Из людей видела прелестного Резо, Давида Смелянского, Розовского и всю компанию — Мишина, Роста, Бильжо, Шендеровича, Альтова. Иртеньев прислал видеопоздравление (он в Израиле). Домой меня доставили Шендеровичи, потому что об идти не могло быть и речи, ужасно устала. <...> Проходя мимо салона красоты на Арбате, прочитала: "Удаление волос навсегда".

5 февраля. Среди бумаг, которые я просматриваю, нашелся последний листочек письма Арье(и?) Беньяминовича (отец Ильфа, — **Р. А.**), с мудрыми мыслями. Как то: "Ты пишешь, что французы денег не дают. Я тебе скажу, что на деньги не смотри так серьезно, а лучше на первых порах — на славу, деньги потом сами придут. Конечно, одной славы трудно жить, но раньше — слава, а потом скажешь: "Даешь деньги", — и нет сомнения, что после славы деньги уже легко придут". Заканчивается письмо твоим любимым оборотом: "Ты меня спрашивал, где я обедаю в отсутствие Нины Абрамовны, а теперь спрашиваешь, или она уехала". Чудесно! Жаль ужасно, что четыре листочка этого письма безвозвратно пропали. В воспоминаниях Окса (Евгений Окс, художник, друг Ильфа, — **Р. А.**) есть фраза, которую будто бы сказал ему Ильф: "Влюбленных соединила влюбленного рука". С огромным удовлетворением нашла ее в пьесе Шенгели с Багрицким "Месье Калиостро". Это там княгиня Непарнокопытная и князь Непарнокопытный.

7 февраля. Сейчас ко мне явится директор издательства "Текст", не думаю, что будет дело. Есть мелкие подробности. Ладно!

7 февраля. Директор "Текста" интересуется письмами. Не знаю, по плечу ли мне сейчас заняться ими. Буду думать. Петров, вероятно, отпадает ввиду принадлежности вашему музею и по другим обстоятельствам. <...> Хотела выйти, день был хороший, но вдруг так плохо себя ощутила, что махнула рукой на выход. Завтра придет юрист. Если он меня совсем не уморит, напишу.

10 февраля. Это были не переговоры, а так, разговоры в сопровождении чая и изысканных, очень пахнущих сыра. Да, он интересуется письмами Ильфа, дополненными кое-какими поясняющими текстами, документами и пр. Боюсь, что мне это сейчас не осилить. Впрочем, поглядим. <...> Пока больше ничего нового, хвала Создателю, не случилось.

11 февраля. Здесь градусов меньше, а ветра вовсе нет. Услышала по телевизору: "Он был практически святой". К чему бы я это

Мария Николаевна долгие годы хранила книги, письма, телеграммы, записочки мужа, его документы, начиная с относящихся к одесским юношеским временам, семейные фотографии, негативы снимков, сделанных самим Ильфом. Но при ее жизни Саша к этому архиву не прикасалась. Связующим звеном между ней и отцом, на фотографии с которым она осталась, но не помнила его, всегда была мать. И только после ее ухода Саша долго и скрупулезно разбирала, расшифровывала, переписывала, осмысливала все, что осталось, но не дочернего любопытства ради, а для того, чтобы ввести это в научный оборот, используя в толково написанных статьях и книгах. Многие из них посвящены не одному только Ильфу, но и Петрову, почему ее полусерьезно называли "дочь Ильфа и Петрова".

Родные Саши были одесситами, такое даром не проходит, и генная память проснулась в ней.

вспомнила?... Насчет писем действительно не знаю, потому что книга висит надо мной, подобно дамоклову мечу. Я-то имела в виду письма Ильфа и Петрова <...>, но текстовый директор пока что хочет только Ильфа. Я бы начала не с самого начала, а с 1928 года. Есть все или почти все ответы мамы. И продолжала бы до самого конца, перемежая их переписку разными документами, письмами к Ильфу (к примеру, Фазини?) (Александр Арнольд-Файнзилбергер, брат Ильфа, — **Р. А.**), подходящими цитатами, и фотографиями, и т. д., и т. п. Собственно, в компьютере почти все это имеется. Комментарии тоже не будут излишними. Примечание насчет вонючего сыра: я как раз его люблю! Чем он вонючее, тем дороже! Директор "Текста" приносит что подороже. Никан не могу купить для него мышеловку. Слушали по ТВ вечер Жванецкого, который случился, кажется, в октябре. Вот всё! Спокойной ночи.

12 февраля. Саша, дорогой, твоя творческая мысль работает без остановки. Это прекрасно. У Сергея Зеноновича есть книга (однотомник) с дарственной надписью Петрова его одесским друзьям? Или родственникам? У меня-то как раз ничего нет, кроме дарственной надписи Арье Беньяминовичу на издании "12 тульев" на немецком языке. Нужно посмотреть. Ну, и есть первое издание "Стульев", подписанное Петровым Ильфом.

14 февраля. ...Сегодня, наконец, взяла в руки свой альбом ("Илья Ильф — фотограф", составленный А.И. Ильф, — **Р. А.**) И с чего это я так страдала?! Сейчас даже особой радости не испытываю. Возможно, это потому, что жизнь моя омрачена плитой — но не могилой, а газовой. Чтобы не входить в подробности, скажу только, что пришлось купить новую. Привезут завтра и увезут много-много денег.

15 февраля. Докладываю. Плиту привезли, деньги увезли. Но газовщик для подключения придет только во вторник. Поэтому живу с плитой, располагающейся почти что посреди комнаты. Вроде слона. Однако придется дожить до вторника. Идет снег. Чувствую себе паршиво. В общем, спокойной ночи.

21 февраля. Саша, дорогой, сегодня я изучала свой организм, и он сильно мне не понравился. Сердцебиение, хвостокружение. Как-то стала бояться выезжать. Не знаю, как поступить.

25 февраля. ...И я тебя тоже — обратно. См. также Сашу Черного: "Она целовала меня, и я ее тоже обратно, Следя за собой, как змея, Насколько мне было приятно". После этого лирический герой, как мне помнится, ел сало. Не в Одессе ли он был?

26 февраля. ...Вспомнила: лирический герой кушал сало в Петербурге. Полагаю, его прислали из Одессы. Сегодня имела неосторожность выйти: снег тает, сверху сыплет, под ногами плещется, было очень скользко. С крыш с диким грохотом сбрасывают снег.

1 марта. Забыла написать, что вчера с удовольствием смотрела фильму "Молчи, грусть, молчи...". Сильное впечатление!

1 марта. ...Канал "Культура" решил облагодетельствовать нас шедеврами раннего русского кинематографа. В газете я прочитала, что 1 марта — первый день весны. Врут, как всегда.

4 марта, вечер. Вчера и сегодня смотрела "Белую гвардию". Весьма неопределенное впечатление. Чувствую себя не прекрасно. Может быть, напрасно еду?

4 марта. Я буду следить за прогнозом. Ближе к делу напиши, пожалуйста, в чем ходят люди в Одессе, что у них на руках и что на ногах.

8 марта. Я распечатала прогноз погоды и буду думать над ним.

9 марта. Наконец, могу написать: спокойной ночи, до завтрашней встречи!

На конференции, семинары, День города и просто по велению души она ежегодно, иногда даже несколько раз, приезжала в Одессу, где ей было тепло в любое время года, потому что тут жили друзья. Она с интересом и удовольствием бывала в Литературном музее, но в какой бы гостинице ни останавливалась, ее "штаб-квартирой" становился Всемирный клуб одесситов на Базарной улице, на которой родился Петров и в юности жил Ильф. Здесь Леня Рукман тотчас забывал свои директорские заботы, Аркадий Креймер думал, что бы еще сделать для Саши, Женя Голубовский появлялся с новой идеей, многое обсуждалось, намечалось, решалось, записывались ее интервью телевизионным журналистам, и случались неожиданные встречи. Однажды я познакомил Александру Ильиничну Ильф и Лидию Исааковну Бабель — коренных москвичек, которые не знали друг друга. В дру-

18 марта. Как было хорошо в Одессе, и как несимпатично здесь! Ваши 18 вызывают легкую зависть. Ничего увлекательного. Посему — спокойной ночи.

19 марта. Я еще не окончательно москвичка. На небе ничего яркого нет, погода отвр.

20 марта. Вас еще не перевели на летнее время? Хотелось бы приблизиться хоть на час.

28 марта. Вчера посетитель (деловой) принес идиотический подарок: нечто вроде новогодней елочки (ростом в метр), сделанной из серебряных сеточек, травок, шишечек (шоколадные конфеты), розочек с букашками на лепестках, а самое главное — с двенадцатью бархатными стульчиками. Все это было так вопиюще вульгарно, что я принялась хохотать. Он принял это за восторг. Но самое смешное не это. Мастериче этого букета, для того чтобы сделать стульчики, требовались пробки от шампанского. А их не было. Тогда в пятницу она позвала своих подруг, и они за три дня выпили 12 бутылок шампанского! Вот и получились стульчики. Это чудовище будет мною сфотографировано и послано тебе.

14 июня. До сих пор непонятно, что происходит в моем причудливом организме. Предстоит еще какие-то обследования. Напишу, конечно. Всем кланяюсь.

16 июня. Видишь, я уже могу подойти к компьютеру. Я совершенно измучилась с лечением. До сих пор непонятно, в каком я состоянии. Субъективно чувствую себя лучше, но что там внутри?.. Страшно подумать. В понедельник поеду на компьютерную томографию, и там, как пить дать, во мне найдется что-то новое и неинтересное. От этого неизменно плохое настроение и полное нежелание что-либо делать. Всем кланяюсь.

22 июня. Решила известить, что в понедельник ездил на какое-то буколическое Ивановское шоссе (ответвление Волоколамского) делать компьютерную томографию. В заключении нашла жемчужной красоты строку о том, что не все удалось отснять во всех подробностях "ввиду наличия множественных артефактов металла послеоперационного характера". Да я и сама артефакт! А когда моей приятельнице делали что-то такое под названием "эффект Доплера", ей тоже сказали, что не все удалось отразить. "Почему?" — спросила она. "Череп мешает", — ответили ей.

29 июня. ...Докладываю о медицинских делах. Ездил в клинику. Воспалительный процесс прекратился, лечение должно продолжаться еще три месяца, и в дальнейшем требуется вести себя с осторожностью. Из этой самой осторожности не спросила, можно ли мне выпивать и закусывать, потому что приняла решение действовать соответственно афоризму Жванецкого, висящему над лестницей в нижний этаж клуба ("Алкоголь в малых дозах полезен в любом количестве", — **Р. А.**).

10 июля. Забыла написать, что вчера мне привезли три карманные книжечки (оба романа + Америка), вышедшие в серии "Путешествия" в издательстве с уродским названием "Рипол Классик". Сообщаю об этом потому, что там мои предисловия, рассматривающие вышеозначенные сочинения как книги о путешествиях и приключениях.

24 июля. ...Спасибо за письма и привет от Боречки. При случае скажи, что я люблю его больше. <...> Мне подарили диск с записью каких-то музыкальных сочинений, исполненных на арфе, утверждая, что это АР-ФОТЕРАПИЯ. Таки да! Начала слушать (днем) и тут же уснула.

15 августа. Чтобы ничего не делать, извляла нечто под названием "Где и как жили Ильф и Петров" или что-то в этом роде. Я не придумала, куда пристроить, потому что нуж-

гой раз я представил ей Валерия Берлагу, предки которого жили на Старопортофранковской улице, в доме, где родился Ильф, и фамилия их осталась в "Золотом теленке", — нужно ли говорить, что взаимным восторгом не было предела.

В перерывах между приездами мы переписывались. Я сохранял письма, как сохраняют письма близкого человека, вовсе не думая о том, что может случиться с каждым из нас, а пока случилось с ней. Многолетние дружеские отношения определили характер ее писем, в которых много личного, что, естественно, осталось за пределами этой публикации. Но и в том, что печатается, звучит ее голос, потому что она говорила, как писала, и писала, как говорила. Те, кто знал Сашеньку Ильф, услышат это, а другим остается поверить.

Ростислав АЛЕКСАНДРОВ.

ны соответствующие фотографии. Без снимков или с минимальными ими взял бы, наверное, Голубовский? Но вообще-то хотелось бы в Москве.

18 августа, день. ...Конечно, это не обязательно. Но при внимании одесситов к соавторам лучше бы. Как ты сам знаешь, в этом году 70 лет со дня гибели Петрова, 75 — со дня смерти Ильфа, и, соответственно, 110 лет Петрову и 115 — Ильфу. В декабре было бы в самый раз, если уж в другие месяцы не выйдет. Можешь посоветоваться с кем-то? Не обязательно же устраивать широкий разворот, а просто сделать хоть что-то? Сообщи, пожалуйста, свои мысли по этому поводу. На Москву я совершенно не рассчитываю, а Одесса так близка мне...

30 августа. Сегодня встречалась с дамой, которая доставила от Олечки Барковской справочник Общества независимых художников. С удовольствием посмотрела и почитала. Нашла у Фазини кое-что не указанное, но теперь-то уж что! У меня нет мейла Олечки. Может быть, ты просто позвонишь ей в свободное время и скажешь, что я очень благодарна?

2 сентября. Второй день роюсь в культурных слоях. Толку чуть. Обнаружила, впрочем, довольно много маминих писем 1936-го года — в санатории. Узнала много нового и интересного о себе, без чего спокойно могла бы обойтись. Конечно, села перепечатывать, вставляя в нужные места. Еще не закончила. А день и даже вечер закончились.

7 сентября. Сереже отдельный привет (Калмыков Сергей Викторович, инженер, краевед, мастер фотографии, одесский приятель А.И. Ильф, — **Р. А.**).

7 сентября. Миша Пойзнер (Пойзнер Михаил Борисович, ученый, коллекционер, писатель, одесский приятель А.И. Ильф, — **Р. А.**) — всегда молодец.

8 сентября. Сегодня, кажется, хороший день ("Сегодня солнечно, но ветрено"), но я не вышла наружу, увлекшись сканированием и прочими поисками. Как и раньше, ничего не нашлось!

4 марта 2013. Дело было в Малом зале ЦДЛ (вечер памяти Ю. Олеши, — **Р. А.**). <...> Одесса так близка мне... Как я понимаю, я на свое горе оказалась единственным воспоминателем. Произнесла нечто трогательное из своей детской жизни и рассказала кое-что на основе воспоминаний Олеши об Ильфе и отцовских писем. <...> Днем позвонила мне Барметова (Барметова Ирина Николаевна, критик, главный редактор литературно-художественного журнала "Октябрь", — **Р. А.**) и пригласила на очередной литературный бьеннале в Одессе, каковой состоится в конце мая. Как насчет акции? Ты понимаешь, что это было предложение, от которого, как говорят в рекламе, невозможно отказаться. Я могла бы прибыть на несколько дней раньше или отбыть позже, и тогда мы могли бы спокойно проводить жизнь...

14 апреля. Вчера, засыпая, слушала передачу "Временно доступен" с Карцевым. Уже совсем было заснула, как вдруг споткнулась о небольшой спор — были ли Ильф и Петров одесситами? Дибров (Дибров Дмитрий Александрович, телеведущий, — **Р. А.**) предполагал, что кто-то из них из Харькова. Был и такой вопрос: а как же тогда Петров — брат Катаева, а тот одессит? Постепенно решили, что все они одесситы, в доказательство чего Карцев сказал, что дочь (то есть я) каждый год приезжает в Одессу. ??? Охо-хо...

4 декабря 2013. В ожидании от тебя адреса передачи о прототипе Остапа Бендера шлю тебе другой, полученный от Сусанны Альпериной (о презентации книги Антонины Пирожковой о Бабеле, — **Р. А.**).

Евгений ДЕМЕНОК

Управдом из Тель-Авива

Я помню этот вечер во всех мельчайших деталях. Так, будто это было вчера, хотя с тех пор прошло без малого восемь лет.

Мне повезло дважды. Первый раз — когда я познакомился с ним. Второй — когда я услышал эту историю. Ту самую, о которой пишу сейчас.

Он — это Александр Иосифович, легендарный одесский историк и краевед. Его в нашем городе знают все.

Не знаю, почему он выбрал именно меня. Но раз уж так случилось, то написать о том, что я услышал, — моя прямая обязанность.

Тем тихим летним вечером мы сидели на балконе его квартиры на Успенской и любовались одесским закатом, воспетым одесскими литераторами и неоднократно запечатлённым лучшими художниками Южнорусской школы. Выпито было уже немало, мир казался прекрасным, и вся обстановка, казалось, способствовала задушевному разговору.

— А знаешь что, Женя?! — сказал он мне. — Много лет меня интересовала история создания "Двенадцати стульев" и "Золотого телёнка". Так же, как и все, я искал прототипов Бендера. И, как и все, уже склонен был остановиться на Осипе Шоре, но совершенно случайно ко мне в руки попало настоящее сокровище — бумаги из архива Евгения Петрова. Только не спрашивай, как именно они ко мне попали. Собственно, они есть не только у меня, а ещё у нескольких людей в нашем городе. Но ко мне — волей случая — попало именно то, что я так долго искал. Письма Петрову из Палестины, подписанные Иосифом Бендером. Чем больше я читал их, тем больше радовался — и ужасался одновременно. Радовался потому, что мне, возможно, открывалась истина, а ужасался потому, что истина эта абсолютно опровергала все предыдущие исследования творчества наших великих земляков. Сначала я думал, что это ошибка. Потом склонялся к версии о розыгрыше — у Евгения Петровича было немало друзей с чувством юмора. Но, в конце концов, с немалым волнением пришёл к выводу о том, что письма являются подлинными. Множество мелких деталей свидетельствуют об этом. Собственно, что я говорю? Почитай сам.

Александр Иосифович подошёл к секретеру, достал несколько листов и протянул мне первое письмо:

"Дорогой Женя.

Дела мои идут неплохо. Да что там неплохо — отлично! Сбылась, наконец, моя мечта о Святой Земле. Тут много наших, и я чувствую себя, почти как дома, разве что климат ежедневно напоминает об обратном. Наших — это и одесских, и вообще русскоязычных. Помнишь Александрова? Мы часто встречаемся с ним. Тут он, конечно, Зускин. "Шелег Леванон" и "Кесит" — это названия кафе, где мы собираемся, чтобы почитать друг другу стихи и прозу. Теслер, Альтерман, Элираз, Горовиц, Шапир — эти имена ничего не скажут тебе, но для Тель-Авива они то же самое, что Олеша, Багрицкий, Валя для Одессы. Мне хорошо тут. Здесь все пишут на иврите. Пишу и я — потихоньку, но всё более уверенно. Эзра переводит на иврит Багрицкого. Я уговариваю его писать воспоминания о "Коллективе поэтов" и его жизни с Олешей и Валей в Харькове, пока память не стёрла детали. Я показал Эзру рукопись "Двенадцати стульев". Он в восторге. Сказал, что если бы роман опубликовали тут, я стал бы звездой. Кстати, Эзра руководит литературным приложением к газете "Давар", так что мы можем публиковать тут отрывки из "Стульев" и из вашего нового романа. Он берётся за перевод.

Тель-Авив, 1929 г. Фото Шимона Корбмана.

Я много общаюсь с Хаимом Гликсбергом. Ты, наверное, уже не помнишь его. Он сын знаменитого Шимона Гликсберга, главного раввина Одессы. Хаим очень смешной — уезжая из Одессы, зачем-то сказал своему преподавателю в художественной школе Павлу Волокидину о том, что уезжает в Бразилию. Мол, в Рио-де-Жанейро совсем другой свет и цвет. Он просто помешан на белом цвете сейчас. Ему повезло — чего-чего, а белого цвета у нас в Эрец-Исраэль предостаточно. Но ему этого мало — он ходит теперь исключительно в белом — штаны, пиджак, рубашка. И что ты думаешь? Имеет колоссальный успех у девушек. Я даже думаю, не последовать ли и мне его примеру.

Магидович затеял сейчас большое строительство. Заказов хоть отбавляй. Скоро ему понадобятся помощники — дома нужно подключать к воде, электрифицировать. Управлять, в общем. Думаю пойти — нужны деньги. Литературные труды и живопись не дают средств для сколько-нибудь пристойной жизни. Увы, искусство — лишь тонкий слой масла на черстом хлебе борьбы за существование. Забавно представлять себя в роли управдома...

Засим кланяюсь и надеюсь на скорый ответ, Илюше огромный солнечный привет, Ваш Иосиф Бендер. 22/IV/1929".

Я прочитал письмо ещё раз и спросил потянувшегося:

— Неужели это правда? Бендер списан с реального персонажа? Да ещё и читал рукописи о своих приключениях "онлайн"?

— Читал и комментировал. О своих ли приключениях — это вопрос. Ты поймёшь это из следующих писем. Как ты помнишь, изначальную фабулу романа подсказал брату и Илье Ильфу Валентин Катаев. Образ Бендера был поначалу не то что второстепенным — вообще проходным. Для него была заготовлена лишь фраза о "ключках от квартиры, где деньги лежат", а основная интрига должна была разворачиваться вокруг Воробьянинова и стула с сокровищами. Но... Катаев уехал в Батуми, а молодые авторы увлеклись Остапом, да так, что он затмил всех остальных действующих лиц романа. Судя по всему, наш тель-авивский управдом был своим в литературной и художественной среде Одессы и действительно послужил во многом прототипом главного героя. Но его хождения и авантюры — прекрасный художественный вымысел. Вот, посуди сам.

И Александр Иосифович протянул мне следующее письмо:

"Дорогой Женя.

Спасибо за присланную рукопись. Я читал и очень смеялся. Особенно забавен эпизод с переходом румынской границы. К счастью, всё было с точностью до наоборот. И вообще румыны — приятные люди, причём не только своей неприкрытой корыстью. Казалось бы — два берега реки, а на самом деле — два разных мира.

Наконец сбылась моя мечта. Я побывал на родине родителей. Увидел могилы дедушек и бабушек. Побывал в синагоге, о которой столько рассказывал отец. Представь себе — в Бендерах больше тридцати синагог! Больше, чем церквей! И вообще каждый третий — еврей.

В Бессарабию приезжают все — Вейцман, Нахум Соколов... Мы собирали там деньги для Эрец-Исраэль. Сейчас на них строят новые гавани в Хайфе и Яффо.

Жаль, я так и не увидел Жаботинского. Он приезжал в Бессарабию несколько лет назад.

Он — мой кумир. Я мечтал о встрече с ним с юношеских лет, с той поры, когда все мы плечом к плечу стояли в отрядах самообороны.

Румыны, кстати, переименовали Бендеры в Тигину. Какое счастье, что они сделали это только сейчас. Иначе я был бы не Бендером, а Тигинским.

Ты знаешь, я подумал: возможно, то, что ваш блестящий роман не попал в Палестину — это к лучшему. Какая была бы у меня репутация, если бы наша публика прочла его? Вы так мастерски преобразили наш невинный розыгрыш со стульями, что не верить этому невозможно.

Кстати, на родине предков я завёл полезные знакомства. Одно из них — Хаим Капуста (каких только фамилий ни давали евреям!). Он торгует фруктами по всей Европе, и я помог ему устроить плантации тут, в Эрец-Исраэль. Что тебе сказать — неплохо заработал.

Большой привет Илюше, Вале и Вале (именно в такой последовательности).

Ваш палестинский друг
Иосиф Б.
19/IX/1929".

— Вот почему он Бендер, — сказал Александр Иосифович, увидев, что я поднял глаза от листа. — Теперь всё встало на свои места. Знаешь, как у евреев Российской империи появились фамилии? Их просто стали присваивать в приказном порядке в начале XIX века. Основные группы фамилий произошли от мест, где они жили, от рода занятий или стали производными от отчества. Кроме фамилии Бендер, например, мы сегодня можем встретить людей с фамилиями Бендерский, Бендерович и другие. Живущий среди нас фотограф Леонид Бендерский — прямое тому подтверждение. Фамилия известного одесского художника Соломона Кишиневского — из той же категории. Разумеется, как и Бориса Херсонского. Или, например, уехавший из Одессы в Америку писатель Павел Лемберский. Его фамилия происходит от немецкого названия Львова — Лемберг. Кстати, любимая нами Александра Ильинична Ильф вспоминала, что фамилию Бендер носил не только мясоторговец, сосед Ильфа по Малой Арнаутской, но и преподаватель немецкого языка в военном училище, где также преподавал отец братьев Катаевых, учительница немецкого языка в гимназии и даже сослуживец Ильфа в Опродкомгубе.

Теперь становится понятным, почему Ильф и Петров изобразили в романе такой экзотический способ бегства из СССР. Бендер хотел не просто взойти в Эрец-Исраэль, но побывать перед этим — возможно, в последний раз — на родине предков. Конечно, уехать легально в те годы было уже практически невозможно. Судя по всему, наш Иосиф сбежал из СССР в самом начале 1928 года, зимой, ещё до полной публикации "Двенадцати стульев". Упоминаемые в первом письме Эзра Зускин и Хаим Гликсберг уехали раньше: Зускин — в 1922-м, а Гликсберг — в 1925 году. Отец Гликсберга, главный раввин Одессы Шимон-Яков, уехал в Эрец-Исраэль в 1935 году с огромными усилиями лишь с помощью Бялика. Остальные пятеро детей раввина Гликсберга остались в СССР. Кстати, сам Шимон-Яков стоял у истоков сионистского движения "Мизрахи", поэтому жить хотел только в Эрец-Исраэль.

— А Валя и Валя? — спросил я.

— Это Валентина Леонтьевна Грюнзайд, жена Евгения Петровича, и Валентин Катаев.

— Почему же Бендер так рисковал для того, чтобы вырваться из Советского Союза?

— Как я понял, он ещё с детства был горячим апологетом сионизма, и мечта вернуться на историческую родину перевесила все страхи. Более правильный вопрос — почему он не сделал этого раньше, когда "ворота" для выезда из страны были ещё открыты? Причина эта описана в последнем письме. Вот оно.

И Александр Иосифович протянул мне третье письмо:

"Дорогой Женя, добрый день!

У нас сейчас настоящая зима в субтропиках — ливни. У вас в Москве, наверное, совсем холодно и всё замело снегом. Как там наши? Как Валентин и Валя?

С Шором вы здорово придумали. А главное — вполне правдоподобно. Не может быть прототипом главного героя советского романа сионист и эмигрант. Кстати, Зускин спрашивал об Осипе Шоре — правда ли, что он живёт сейчас в Москве в одной комнате с Олешей, как он когда-то в Харькове?

Тебе не опасно со мной переписываться? До нас доходят обрывки сведений о стране Советов. Судя по тому, что у вас с Илюшей всё в порядке, русский антисемитизм пока не возродился в полную силу. Это радует.

У вашего шедевра появился ещё один читатель. Точнее, читательница. А ещё точнее — слушательница. Из нашего круга вы будете

первыми, кто об этом узнает. Её зовут Рут. Она из Польши, приехала сюда четыре года назад. По-русски почти не говорит, общается на идиш, но всё больше и больше переходит на иврит. На иврите я и читаю ей, страницу за страницей, ваши рукописи. Начал со "Стульев". Конечно, она далека от Москвы, от российских масштабов и не может по достоинству оценить то, какой фурор может вызвать ваш с Илюшей новый роман. Но — ты знаешь, возможно, это даже к лучшему.

Для меня это отличная практика — переводить ваши книги на иврит. Труднее всего, конечно, переводить ваши блестящие шутки. Пока справляюсь. Рут смеётся. Она встревожилась лишь однажды — когда Воробьянинов с бритвой подкрадывался к моему горлу. Помните нашу шутку: "Если ты умер — делай вид, что ничего не произошло"? Я сразу показал ей рукопись второй книги с моими приключениями — и она успокоилась.

Часто вспоминаю Олю. Видел ли кто-то её? Что с ней?

Засим остаюсь верно любящим вас.
Привет Илюше, Вале и Вале.
Ваш Остап. Шучу.
16/I/1930".

Видимо, на моём лице было такое удивление, что Александр Иосифович рассмеялся.

— Тебе тоже понравилась история с Шором? Поверь мне, прочитав первый раз письмо, я выглядел точно так же. Все устоявшие теории рассыпались на глазах. Да что там — сам Шор неоднократно рассказывал мне о том, как именно с него писали Остапа!

Но всему есть объяснение. В конце двадцатых советская власть действительно стала зажимать гайки. В стране запретили выход газет и журналов на иврите, а все маститые литераторы, пишущие на нём, покинули Россию в начале 20-х — вспомни судьбу Бялика. Борьба с иудаизмом была возведена в ранг государственной политики. От евреев требовали полной ассимиляции, ни о каких сионистских идеях не могло быть и речи. Хе-Халуц был разгромлен, его руководители арестованы, сионистские организации ликвидированы. О легальном выезде в Палестину можно было забыть. Так что нашему герою повезло — в конце тридцатых он мог легко угодить в тюрьму.

Ты уже понял причину, по которой он не уехал из страны раньше. Он упоминает её имя в письме. История, вечная, как мир. Кстати, в архиве Ильфа и Петрова сохранились два варианта финала "Золотого телёнка", и в первом Бендер остаётся в Союзе и женится на любимой девушке. Интересно, правда?

— Александр Иосифович, это же сенсация! — взволнованно сказал я. — Эти письма просто бесценны, и вы можете стать первооткрывателем! Вы уже публиковали их? О них должны узнать все!

Александр Иосифович улыбнулся:

— Моим первым порывом было как раз это — немедленно рассказать всем о письмах, опубликовать их и, наверное, прославиться. Но потом точность исследователя взяла верх. Возможно, зря... Дело в том, что письма попали ко мне без конвертов. Что это означало? Это означало то, что у меня не будет никаких аргументов против вездливых критиков, которые будут опровергать мою теорию. Ведь я и сам думал сначала, что эти письма — или подделка, или чей-то розыгрыш. Самым правильным было бы найти потомков Иосифа Бендера в Израиле. К счастью, сейчас нас уже не разделяют прежние барьеры. Вот это было бы настоящей сенсацией. Ведь у них могли сохраниться не только письма Евгения Петрова, но и машинописные экземпляры рукописей и "Двенадцати стульев", и "Золотого телёнка". А это бесценная находка. Но, найдя в Интернете телефонный справочник всех израильских абонентов, я был поражён количеством людей с фамилией Бендер. Их очень, очень много. Кроме того, я не знаю иврит.

— Но есть же английский! Может быть, застеснявшись за телефон и номер за номером обзвонить всех? И так найти потомков того самого, нашего Остапа Бендера?

— Может быть, может быть... Вот и займись этим. Ты молодой, у тебя впереди ещё много времени. А когда станешь автором сенсации, упомяни и меня — вкратце, вскользь.

Я шёл домой по ночным одесским улицам и вновь и вновь переживал сегодняшний вечер. "Этого не может быть", — думал я. И тут же спорил сам с собой: "Но ведь это есть! Есть письма, и они не похожи на фальшивку. Да и какой смысл Александру Иосифовичу меня обманывать?"

На следующий день я нашёл в Интернете телефонную книгу Израиля. Людей с фамилией Бендер там оказалось несколько сотен.

Я до сих пор собираюсь начать их обзванивать.

К 220-летию Одессы

Наш город вступил в 220-й год своей истории. Сохранились гравюры Одессы начала XIX века. Но в деталях, каким был город, мы можем представить с 40-х годов XIX века, так как еще в 1843 году в Одессе открылись сразу три фотоателье.

Статистика знает не всё. Сколько снимков было сделано за 170 лет, сколько из них репродуцировалось в журналах, а потом и в газетах, выпускалось

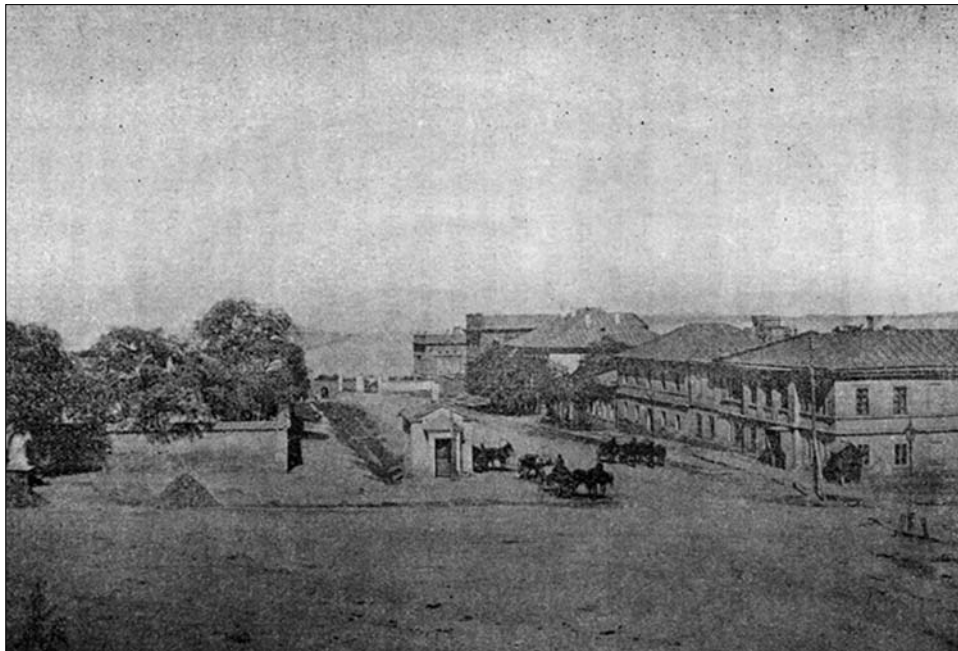
в виде открыток, не скажет никто. Тем интереснее проект Евгения Волокина, по крупицам собирающего виды Одессы, ее улиц и площадей и выставляющего их на своем сайте "Вікна-Одеса".

Сегодня мы снова предлагаем читателям газеты крупицу этой коллекции с сайта viknaodessa.od.ua.

Евгений Голубовский.

Преображенская

Преображенская улица в Одессе образована в 1817 году. С 1920-го по 1928 год носила имя Льва Троцкого, затем, до 1941 года (до оккупации), именовалась улицей X-летия Красной Армии. В годы оккупации Одессы (1941 — 1944) называлась улицей Короля Михая. После войны снова называлась улицей X-летия Красной Армии и X-летия Советской Армии, затем — просто Советской Армии. С 1994 года снова названа Преображенской.

Конец Преображенской улицы, фотография до 1870 года.

Преображенская угол Дерибасовской, здание гостиницы "Пассаж", фото 1900 года.

Пожар в "Пассаже", в результате которого здание лишилось башенки, фото 1901 года.

Преображенская угол Елизаветинской, 1901 год.

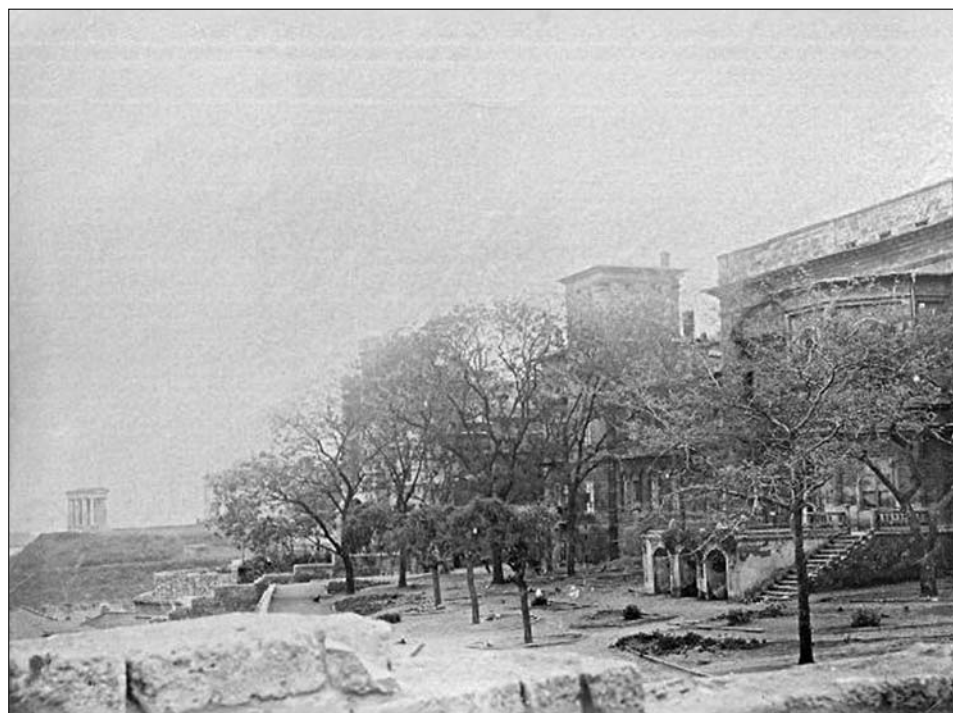
Улица Преображенская, вид с колокольни Успенского собора, фотограф Ю. Коншин.

Преображенская, дом Папудова, фото 1910-х годов.

Преображенская, гостиница "Пассаж", фото 1910-х годов.

Бульвар в начале ул. Троцкого, теперешний бульвар Жванецкого, фотография 1920-х годов.

Фотография 1939 года.

Вид на ул. Преображенскую, на каланчу Бульварного полицейского участка, фото 1917 года.

Ул. X-летия Красной Армии и площадь Советской Армии, фото конца 1940-х годов.

Ул. X-летия Красной Армии, кинотеатр им. Горького, фото 1950-х годов.

Наталия СЕВЕРИН

То ли в Бронксе, то ли в Брянске...

ДАНТЕ

Данте не смог долго жить в Бронксе (НЙ) и переехал в Брянск. Тут ему дали общежитие, поношенное пальто и кепку.

Алигьери не вышел в первый же день на работу экстерминатором и на второй был уволен. В общежитие он пришел пьяным после 11 часов ночи, и его не впустили. Он просидел всю ночь за мусорным баком, а утром начал приставать к вахтеру с вопросом, как называлось его произведение, где спустились в Ад: это было в кроссворде. Никто не знал. Данте не сумел решить кроссворд. Во время завтрака в кафе он вдруг запел на немецком, и ветеран войны с орденами ударил его наотмашь.

— Ну, это уж слишком! — взвился Данте и исчез.

Его видели в Бобруйске. Он сидел в садике у вокзала, весьма невымытый, нечесанный, и читал клоч газеты "Бобруйский мир". Данте бормолал что-то, обращаясь к некому Кавальканти, но Кавальканти отсутствовал в этом месте. Рядом была только маленькая грязная собачка, которая смотрела ему в глаза.

ЛЕТАЮЩИЙ МАТАДОР

Во время боя с быком можно успеть очень многое. Вот он мчится на твой красный плащ, из глаз его — искры, из-под копыт его — искры, пена падает на песок (этот Бык умеет изображать!), а ты взмахнул плащом и — вжик! — уже сидишь в кафе и пьешь кофе

с Брет, а можно и не с ней, потому что она все время нудит по-американски: "Милый, то, милый, се", — и это надоедает. Выпил чашку, закурил, глядишь — Бык на арене в растерянности: убивать некого — вжик! — ты тут как тут, перед ним. Смотришь в глаза своей смерти с улыбкой: соскучился по мне? Не буду в тебя втыкать бандериллы и прочий хлам, симпатичный ты, обойдемся этой красной тряпкой, вышитой золотом, невеста потрудились, ведь мне надо еще жениться во время боя, на Лауре, она беременна. У Быка мелькнуло сострадание в глазах, но он пошел на меня с решительным видом, играет по правилам.

Трибуны бесновались, как всегда. Они беснуются по любому поводу. Пришли сюда побесноваться. Дома скучно, еду не солят и не перчат по современным диетам. Жены надоели, любовниц заводят дорого, жизнь беспроблемна, вот и идут бесноваться к нам. Мы с Быком это понимаем. Кстати, зачем мне детей заводите? Не хочу детей. Вжик! — и я уже в церкви, женился на Брет, чтоб не жениться на Лауре. Снова с Быком. Он мне жалуется: "Ты побыстрее делай свои дела, я тут один отдуваюсь, тяну время, скачу вхолостую, плохо выгляжу". "Я сейчас, — утешаю его, — мне нужно только шагу наточить, чтоб тебя убить красиво, эта не проткнет твою холку". Бык бормочет: "Торопись". Вжик! — и я в Аргентине на свадьбе кузины, нельзя было не поехать, наврал Быку, ничего, уже вернулся, точу оружие — и снова на арене. Никто ничего не заметил. Бык старается вести себя бодро. И пока мы выписываем предсмертные пируэты, интересуется моей свадьбой, сколько лю-

дей было и все такое. Да какая свадьба? У меня завтра бой. Буду ночевать один в гостинице. Я понимаю, он просит о пощаде. Трудно мне убивать этого Быка. Он смотрит прямо в глаза, когда мы приближается друг к другу, что-то человеческое есть во взгляде. Но мы знаем правила игры.

Наступает последний момент — у корриды время точно рассчитано. Я взмахнул шлагой, металл зловеще сверкнул. Бык, как друг, послушно опустил голову, чтоб мне было удобнее его убивать, и — вжик! — мы с Быком сидим в любимом кафе на площади и пьем красное вино за дружбу профессионалов, вот и Брет подоспела, она своего бокала не упустит. Сейчас она их познакомлю.

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Все снова рушится, почва уходит из-под ног, хватаешься за клавиатуру, она со смехом ускользает, хватаешься за воспоминания, они раздраженно пожимают плечами. У моего окна появилась багряная планета. Это Плутон, Властелин загробного царства, покровитель медных и золотых копей, драгоценных камней, враг Орфея. Он появляется везде, где грядут долгожданное разоблачение, торжество правды, чье-то падение, смерть в бесславии, отвергнутая любовь и кровавая месть. Это разрушитель.

Правда, птица Феникс тоже принадлежит ему. Но она — для избранных. Теперь он стоит у моего окна, смотрит на меня, и я не смею отвести глаза — как можно отвести их от владычицы?

В то же время я стою на берегу океана, он сегодня тоже страшен, не волнами своими, а напряжением. Посиневшие темные воды бьют дрожь. Временами он с рыком бросается на сушу, вгрызается белыми клыками в землю, урчит, как стая синих волков, и отползает, отхватив свой кусок.

Моя умершая мать в стареньком купальнике стоит на берегу и готовится зайти в воду. Она обращается ко мне: "Не ходи сюда. Вода кипит. Ты не выплывешь". И смело бросается в волны.

РОТ

Он будет там, где мы скажем, а не там, где нарисовано в учебнике по анатомии, у тех, кто его выпустил, рта уже нет, но у вас еще есть шанс сохранить, так что следите за прессой и телевидением, там есть намеки и прямые указания, где в данный момент развития человечества на вашей части глобуса рот должен находиться, чтоб соответствовать широте мысли, долготе жизни и времени года; не кривите его самовольно, не переставляйте без разрешения, никаких подтяжек, зашивания ниткой в знак протеста, прибавлений к Красной площади, за этим ведется спутниковое наблюдение, косметическая нитка выдается теперь по удостоверению, зубы же не выдаются никогда, экономьте данные природой; тем, кто использует рот для размножения, будут выданы сертификаты и хлебная карточка, без сомнения увеличивайте губы, это вклад в процветание общества, но не кусывайте их, у нас есть плоскогубцы, которые изящно вернут им форму, улыбайтесь!

Анатолий КОНТУШ

Выдержка под диафрагмой

Увеличиваем, уменьшаем, уточняем, проявляем, закрепляем и оставляем так на всю жизнь.

Мы сидим в темноте. Красная лампа едва заметно освещает накрытый старыми газетами стол с расставленными по нему принадлежностями. Слева — причудливая конструкция фотоувеличителя "Ленинград", прямо — ванночка с проявителем, за ней — ванночка для полоскания, справа — ванночка с закрепителем, рядом — еще одна ванночка для полоскания. Вокруг разложены пинцеты, ножницы, маски, пачки фотобумаги.

Мы просматриваем пленки на красный свет, вкладываем в держатель, протягиваем туда и обратно, выбираем кадр, наводим на резкость, выключаем лампу, достаем фотобумагу, вкладываем в рамку, уточняем диафрагму, включаем лампу, отсчитываем выдержку, снова выключаем, опускаем бумагу в проявитель и осторожно покачиваем, ожидая, пока не появится изображение.

Мы едем на пляж. Теплый весенний день, вся жизнь еще впереди, и мы быстро забегая домой оставить портфели, перекусываем в "Пирожковой" на Мартыновского и идем на второй троллейбус по Карла Либкнехта и Советской Армии. Солнце на голубом небе, футбольный мяч в авоське, пьянящая легкость юности, очевидная бесконечность счастья, и мы задираем друг друга, дурачимся и хохочем. Мы шагаем в одном направлении, весело глядя вперед, и предчувствие того, что так будет всегда, уже написано на наших лицах.

Это хорошо получилось. Закрепляем.

Мы на вершине безымянной горы в Карпатах. Девятый класс, зимние каникулы, скорый поезд, двухэтажное общежитие, заснеженная дорога, горная река, лесные прогулки, лыжные катания, первые романы, нежные чувства, юношеские страдания, мальчишеская дружба, необходимость друг друга и друг для друга, твоя рука в моей руке, и мое плечо рядом с твоим плечом. Неизвестно откуда взявшаяся уверенность в том, что это важнее всего, которой хватит на всю жизнь с таким запасом, что еще останется нашим детям.

Это тоже получилось. Закрепляем.

Я с гитарой. Вскинутая голова, длинные

волосы, узкая рубашка, темные джинсы, дымящаяся сигарета, уличный аккорд, мечтательный взгляд, четкий профиль, за которыми угадываются театральные сцены, кругосветные путешествия, элегантные костюмы, красивые женщины, твердость линии и легкость пера.

Стук в дверь. Это маме нужно взять нож из буфета. Мы быстро прячем фотобумагу под увеличитель, накрываем газетками ванночки и приоткрываем дверь в коридор. Мама проскальзывает в комнату, недолго гремит посудой и выбегает обратно. Мы продолжаем.

Наши девочки в коротеньких юбках на школьном дворе. До выпускного вечера месяца, лето уже началось, сразу за экзаменами манит, сверкает, подмигивает настоящая взрослая жизнь, в которой все будет настоящим — любовь, радость, счастье. Модные юбочки едва прикрывают стройные ножки, бояться нечего, все будет хорошо, и девочки бесстрашно смотрят в объектив старой "Смены" смеющимися глазами; настоящие беды, несчастья и разлуки, ждущие их впереди, прячутся на самом дне этих глаз.

Похоже, что тут подвела выдержка. Игорь с бутылкой вина. Мы уже студенты, школа позади, и мы чувствуем себя совсем взрослыми. Игорь с улыбкой смотрит на темно-зеленый сосуд, которому осталось жить каких-то десять минут, и мы еще не знаем, что в нем кроме невероятных откровений, прозрений и взлетов скрываются еще и несчастные случаи, страшные болезни и скоростные смерти, избежать встречи с которыми нам не удастся.

Здесь было что-то не так с диафрагмой. Стук в дверь. Это папа хочет узнать, как наши дела. Мы снова прячем бумагу, накрываем ванночки и открываем дверь. Папа осторожно входит, садится рядом, просматривает фотографии, собравшиеся в ванночке для последнего полоскания, дает нам несколько советов и выходит.

Мы продолжаем.

Весна на Соборной площади. Время высших и средних специальных образований подходит к концу, взрослая жизнь начинается в самом деле, и мы с улыбкой всматриваемся в нее, хотя уже не так лег-

комысленно, как раньше; легкие тени страха перед будущим, сомнения в своих силах и неуверенности в себе дрожат на наших лицах вперемежку с невесомыми тенями акаций, каштанов и кленов.

Это вышло так себе. Откладываем.

Лето в Крыму. Август, жара, последние каникулы заканчиваются, и мы складываем рюкзаки, сворачиваем палатку и садимся отдохнуть перед спуском в долину. Мы сосредоточены, наши лица напряжены, в чертах заметна усталость. Солнце слепит глаза, нерезкий пейзаж дрожит в горячей дымке, и невозможность разглядеть его детали через несколько лет превратится в неспособность понять, что происходит с нами и вокруг нас.

Это не получилось. Выбрасываем.

Тогда мы еще не знали, что для того, чтобы все получилось, как надо, нужна была настоящая выдержка. Не та, которую мы отсчитывали вслух, сидя в темноте, а совсем другая. Только много лет спустя мы поняли, что ее, как и все остальное, что делается по-настоящему, нужно вначале ощутить где-то под диафрагмой, очень глубоко, чтобы на мгновение перехватило дыхание. Уже тогда каждый из нас чувствовал, что сделать что-то всерьез без этой выдержки нам вряд ли удастся, но узнали мы это намного позже, и поэтому выдержки хватило не всем.

Мы вкладываем остатки фотобумаги в черные конверты, включаем свет, вытаскиваем гляцеватель и высушиваем все фотографии одну за другой, ожидая, пока они со щелчком не отскочат от зеркальной поверхности под туго натянутой тканью.

Начало восьмидесятых. Мы еще не знаем, что изобретательные инженеры крупных фотографических компаний уже отшлифовывают последние детали в конструкциях линий автоматической проявки, которые вскоре отправят наши увеличители, гляцеватели и ванночки в те ряды Староконого, которые не интересуются домашними животными. Мы еще не знаем, что, несмотря на это, стремление ощутить выдержку глубоко под диафрагмой останется у нас навсегда, распространившись далеко за пределы наших квартир.

Мы складываем фотографии в пачку, спускаемся и идем к Игорю показать, что

у нас получилось. На Петра Великого темно, с моря поднимается туман, и мокрые листья скользят под ногами на черных тротуарах. Игорю нравится все, кроме Соборной площади: он считает, что там слишком крупный план. Мы собираем разложенные по столу снимки, прощаемся на тесной площадке перед дверью и спускаемся по деревянной лестнице в подъезд проходного двора.

На углу с Франца Меринга мы останавливаемся поговорить, и к нам привязывается бродяга, которому не с кем побеседовать о Бродском. Мы присаживаемся на скамейку и долго спорим о поэзии, потягивая из горлышка ледяное "Солнце в бокале". Разговор переходит на изобразительные искусства; мы открываем конверт с фотографиями, подходим ближе к фонарю и рассматриваем их вместе, цитируя Гумилева, Ахматову и Мандельштама. Бродяга в восторге; он еще раз перебирает снимки, улыбается, как ребенок, и неожиданно требует подарить ему конверт. Мы решительно отказываем, но он выбегает на середину перекрестка, падает на колени и умоляет нас дать ему хотя бы несколько. Мы подходим ближе: на глазах у него слезы.

Я пожимаю плечами.

— Хорошо, — говорит Шурик после короткой паузы.

Начинается дождь; я вручаю бродяге конверт, мы жмем друг другу руки посреди мостовой и расходимся в разные стороны.

На следующий день я возвращаюсь домой поздно; дождь еще идет, и я сажусь выпить горячего чаю. Дверной звонок застает меня с чашкой у рта; я открываю — Игорь, промокший насквозь, стоит в темноте с большим пакетом в руках.

— Смотри, что я только что нашел у себя под дверью, — говорит он и протягивает мне пакет.

Я разворачиваю надорванную бумагу: внутри стопка книг. Похоже, они только что отпечатаны: запах краски, как в типографии. Я вытаскиваю из пачки верхнюю, читаю название и с удивлением поднимаю глаза: на твердой обложке четкими буквами выведено: "Основы мироздания в неизвестно скольких томах. Том неизвестно какой".

— Ты полистай, — говорит Игорь.

Я открываю наугад: мы едем на пляж.

Наши девочки на школьном дворе.

Игорь с бутылкой вина.

Мы на вершине горы в Карпатах.

Париж, апрель — май 2013 г.

Юрий МИХАЙЛИК

Крест-накрест дверь.
Позабудь свой дом.
И горький свой край покинь.
Мы были бессилием, и стыдом,
и каменной солью пустынь.

И в наших глазах во веки веков
честнее здешних расплат —
сиянье стронциевых облаков,
плутониевый распад.

Мы наше время до пепла прожгли

и ненавистью прошлись
на семь поколений в глубь земли,
на семь поколений ввысь.

Крест-накрест дверь.

И память — остынь.
В свой черед на любой из широт
над нами взойдет звезда-полюнь
во тьме торфяных болот.

Вера ЗУБАРЕВА

Снежной ели сверкает айсберг,
Корабли домов укачало,
И сугробов белые вазы
В сердцевинах лелеют молчанье.
Лепестками волнует воздух,
Белый ветер над ними вьется.

На странице — следы полозьев
Зазывают строку за околицу...
Бусы льдинок дрожат на ветках.
Затекает метель ямбы.
И на всём — лишь пятнышко света
Фонаря от настольной лампы.

Марина ПОПОВА

Совпадения

Было жарко и влажно. Конечно, когда лежишь в гамаке в тени низкого густого растения с глянцевыми листьями и потоки океанского бриза обдувают тебя, то не страдаешь ни от жары, ни от влаги. Но попробуй-ка подняться на пирамиду племени майя, а еще и спуститься с нее! Кстати, Лев Давидович Троцкий так же, как Майя Давыдовна, карабкался по этим узким ступеням всего каких-нибудь 70 лет назад, приехав на экскурсию из Койоаканы.

Майя Давыдовна — свежее испеченная пенсионерка — обожала пофилософствовать на тему жизненных совпадений. Иные люди собирают марки, фарфор, картины, а она собирала совпадения и, как бусины, нанизывала их на общую нить, выстраивая целые конструкции часто сомнительных взаимосвязей. Со скоростью падающей звезды проносились в голове вереницы совпадений, оставляя в душе невнятный след, подтверждающий наличие божественных сил в ее судьбе.

Вот и сейчас: во-первых, ее собственное имя совпало с именем древнего народа майя — строителя пирамиды, на вершине которой она сидела. Во-вторых — отчество у нее и Троцкого тоже совпало, а тот факт, что Лев Давидович, как поведал гид, тоже поднимался на эту пирамиду, сблизило настоящее, где она, как говорится, физически присутствовала, с прошлым ее бывшей родины.

Воображение у нее было отлично натреновано, и она ощутила присутствие Троцкого сильнее, чем свое собственное, среди толпы запыхавшихся от крутого подъема туристов.

"Идеальные совпадения", — как истинный коллекционер-охотник, напавший на след в предчувствии уникальной находки, возбужденно думала она. "Ну просто Perfect: Present Perfect и Past Perfect", — неряшливо подбирала она сравнения. Особенно по душе ей было слово "perfect" — совершенное, идеальное.

"It was and it is Present Perfect, — начала сочинять Майя Давыдовна, — время уходит назад, and it comes into Present, which is amazingly Perfect; la plage — само совершенство; revolution is closer again; un moment mon ami, aspeto; дай мне понять все это".

На сегодняшний день Майя Давыдовна была ровесницей Троцкого, но ощущала себя тридцатилетней — на тот возраст, в котором она навсегда, как тогда казалось, покинула Советский Союз, правда, "с правом переписки", и прибыла в Кливленд, которому предстояло стать средой ее обитания на несколько лет. Позже она переехала поближе к любимому Нью-Йорку, и это стало второй эмиграцией в малом масштабе.

Эмиграция была водоразделом, напоминающим смерть: больно и страшно, зато время превращается в союзника — умер молодым, таким и остался. В каком возрасте уехал — в том и законсервировался.

И все же это была не смерть, а, скорее, новая жизнь, которую испытать дано не каждому, и Майя Давыдовна чувствовала себя обогащенной. "Если учесть все переезды, то скоро будет семь жизней, как у кошки", — думала она иногда.

С момента перестройки она стала ездить в Россию встречаться с друзьями и родственниками, временно участвовать в делах города.

Потом она возвращалась в Америку, но через несколько месяцев опять приезжала. В отсутствие Майи Давыдовны нишу ее затягивало явской забывания, но она напоминала о себе, пытаясь наверстать упущенное, вписаться в пространство, радикально менявшееся между ее посещениями.

В конце концов все эти перелеты-наезды-переезды так запутали неумную Майю Давыдовну, что она совсем смешалась и однажды, увидев из окна московской квартиры колокольню Новодевичьего монастыря, изумилась... По всем подсчетам, полагался ей вид на Вашингтонский мост из квартиры в Нью-Джерси.

В другой раз, ломая ветки сирени на съемной даче в Каскильских горах, она до полной иллюзорности, до голографического изображения увидела себя на даче в Кратово. Иллюзорность была настолько сильна, что она — всегда в детстве ходившая с разодранными локтями и коленями — стала промокать листиком кровь, сочившуюся из ранки на локте. Когда наваждение прошло, Майя Давыдовна увидела, что локоть был в полном порядке...

Она испугалась и обратилась к невропатологу

сначала в Америке, а потом в Москве. Никаких психических отклонений у нее не нашли. Американский врач прописал легкий антидепрессант, а русский прямо сказал, что с жиру бесится, и отпустил с Богом.

О реальном возрасте Майе Давыдовне иногда напоминали сердечные перебои с красивым названием "ишемическая болезнь", которые она испытала, поднявшись на вершину пирамиды. От камней и джунглей, бескрайним океаном окружающих пирамиду, поднималась влага, как дым сухого льда на рок-концертах или пар из преисподней нью-йоркского метро.

Майя Давыдовна положила под язык таблетку "Валидола". Когда приступ прошел, и сердце встало на место, она подобрала ракушку и, прикрываясь от взглядов кишмишающих туристов, нацарапала на камне: "Троцкий здесь был". Подумала и дописала: "и Майя Давыдовна тоже".

Она посмотрела вниз. Как она ухитрилась сюда забраться с ее сердцем в ее-то годы? Глупая неосторожность! А теперь еще и спуститься надо по узким сбившим ступеням, где нога едва помещалась, да и то в профиль?!

За спиной раздался голос:

— Где только не встретишь соотечественников!

Мужчина с седой бородкой, в круглых очках — как будто сам Троцкий спустился с небес — сидел на камне, где минуту назад сидела она, и читал ее царпки. Майя Давыдовна покраснела — неудобно получилось. Но "Троцкий", похоже, даже умилился детской выходке этой пожилой дамы с балетной посадкой головы на гладкой шее.

— Что вы скажете, если я допишу? — предложил он.

Она рассмеялась, чем положила начало общению.

Его звали Владимир.

— Пожалуйста, без отчества — на американский манер, — представился он. — Вы, наверно, знаете, что ритуал жертвоприношения происходил здесь, а потом жертвы сбрасывали вниз, к подножию пирамиды?

Майя Давыдовна подумала, что поскользнулась она на этих гладких натоптанных ступенях — пополнит собой число жертв... Она еще раз посмотрела вниз. Сердце ее тяжело ухнуло и забилося под подбородком. Угадав ее страх, Владимир предложил:

— Давайте я научу вас спускаться. Это целая наука, но очень простая. Доверьтесь мне, красивых женщин я не обманываю. Наградой за бесстрашие будет чудо, которое я покажу вам внизу. Вы, наверно, не безразличны к чудесам, раз оставляете автографы по всему миру?! — подколол он ее. — Не считите меня грубияном, но держать я вас не буду. Вы спуститесь сами. Не ползайте задом и не прыгайте, как горный козел, точнее, коза, — он указал на туристов, которые спускались точно по обозначенной схеме, — а идите по диагонали. Я буду идти впереди и подстраховывать. С каждым разом представляйте правую ногу на ступеньку ниже. Дойдем до края пирамиды, милости прошу развернуться и снова спускаться по диагонали в другую сторону левой ногой. Вниз не смотрим!

Майя Давыдовна зачарованно внимала. Действительно — спуск оказался удивительно простым. Внизу Владимир увлек ее к центру основания пирамиды и, сложив ладони лодочкой, закричал:

— А-у-у-у!

Эхо какое-то время выжидало, а потом извергло истерический вопль, похожий на крик ночной птицы.

Майя Давыдовна и Владимир кричали на разные голоса английские и русские слова, но эхо неизменно отвечало им резким птичьим криком.

— Абсурд какой-то, — растеряно сказала Майя Давыдовна, — не может эхо так отвечать, иначе... это не эхо. Нельзя же посмотреть в зеркало и увидеть чужое отражение?! — не очень уверенно предположила она.

— Конечно, конечно, тогда это и не отражение вовсе, — подхватил Владимир и подмигнул из-под очков.

Тонкая золотая оправа вспыхнула на солнце и на секунду ослепила Майю Давыдовну. Ей даже показалось, что тонкий луч пронзил ее в самое сердце, ничуть не считаясь с ишемическим диагнозом.

Они шли по джунглям к выходу — два недавно состарившихся человека, и Владимир травил всякие байки про нравы и обычаи мексиканцев. Знал он их множество, так как,

уйдя на пенсию (он работал инженером в Детройте), осел в Мексике, в одной из американских пенсионерских общин, где, как он выразился, "дешево и сердито".

Майя Давыдовна шла чуть позади и исподтишка разглядывала его жилистую фигуру, всклокоченную седую бороденку, какую-то дурацкую пионерскую панамку, и понимала, что ничего ее в нем не раздражает. Она предвкушала начало дружбы, или интрижку, или даже любовь (а почему бы и нет? — любви все возрасты покорны), короче, была готова на все, что предложит ей судьба.

Вдовствовала Майя Давыдовна уже более десяти лет, и одиночество становилось все тягостней. Жизнь она прожила вполне удачную, но эмоционально у нее многое получилось шиворот-навыворот — не как у людей.

Например, в эмиграции все говорили, что самое трудное — первые годы. А вот для Майи Давыдовны первые годы как раз оказались самыми интересными и приятными, потому что все было внове. Зато когда она обустроилась и, как ей показалось, поняла работу механизма, называемого демократией, ей стало скучновато. В целом американцы оказались слишком приватными, мало романтичными, без русско-советской любви к тесному общению. Она была несколько разочарована — не то демократией, не то просто совпало, и она повзрослела.

Однажды на конференции славистов в Вермонте она встретилась с гостем из Москвы (перестройка только начиналась) — старым дачным приятелем, с которым гоняла на велосипеде по вздыбленным проросшими корнями сосен тропинкам.

Они старательно общались, вспоминали дачу... Майя Давыдовна возила его по маленьким городкам Новой Англии, когда за ужином в милом семейном ресторанчике, он прервал ее на полуслове и с удивлением сказал:

— Майка, что приключилось? Куда делась твоя романтичность? Черемухой не пахнет!

Не скрывая легкой обиды, она отпарировала:

— А кто сказал, что демократия пахнет черемухой?! Зато здесь законы работают.

Это прозвучало неуклюже, как "сам дурак".

— Да нет же, Майка, — сказал он, — приезжай в Москву, походишь на митинги к Белому дому — снова все запахнет. (К 2000 году он стал похож на человека, потерпевшего кораблекрушение.)

Когда умер муж, вдовы приятельницы поучали: "Первое время — самое тяжелое". У Майи Давыдовной опять все было, не как у людей. Несмотря на то, что муж был любящий и никак ее не сковывал, оставшись одна, она внезапно почувствовала легкость бытия, ветер свободы, чем была чрезвычайно смущена. Но через год, когда обычно траур заканчивается, она безумно заскукала по мужу.

И тут вдруг этот мистификатор с блестящими не то глазами, не то очками, с ложным эхом и вселенскими знаниями...

Автобус остановился возле его отеля, и Владимир вышел вместе с ней. Майя Давыдовна пригласила его поужинать.

Они подошли к стойке, где Владимир заплатил за ужин и заполнил информационный листок. Она подглядела, что господин Бронштейн был в точности ее ровесник, хотя казался старше. Ему нацепили на запястье голубой браслет в точности такой же, как у Майи Давыдовны.

Ужинали они в ресторане со столиками, стоящими прямо на песке. Подавали сочное аргентинское мясо и хорошее вино. Владимир смешил ее до упаду, дурачился, как мальчишка, блестя глазами из-под очков.

После ужина консьерж вызвал такси, и они ждали его в открытом холле гостиницы. Майя Давыдовна надеялась, что Владимир договорится о новой встрече, но он совсем замолчал, помрачнел и сосредоточенно взглядывался в темную аллею. И только захлопывая дверь такси, он сказал, криво усмехаясь:

— До скорого!

Она следила, как, удаляясь, фары вырывают из темноты толстые стволы пальм, отчего казалось, что стадо слонов сопровождает его отъезд.

Настроение испортилось, и возвращаться в номер не хотелось. Майя Давыдовна вышла на пустынный пляж. Ее всегда удивляло, что — в отличие от крымских ночных гуляний по пляжу в прошлой жизни — здешние отдыхающие из разных стран и континентов предпочитали проводить вечера на территории отелей.

"Никакой романтики. Полное отсутствие

какого бы то ни было присутствия", — раздраженно думала она.

Она нашла одинокий шезлонг, отбившийся от кучи сложенных в стопки лежаков, и подтащила его к воде. Приблизительно кипел у ее ног. Она закуталась в шаль и вдруг вспомнила, что настоящая фамилия Троцкого была Бронштейн!

"Не может быть, не может быть, — все больше пугалась она, — как все в жизни связано — и сегодняшний Владимир Бронштейн, и Троцкий, мои имя и отчество..."

Какое-то воспоминание пыталось вырваться из недр сознания. Перед глазами колыхались звезды — низкие, трехмерные, похожие на галлюцинацию.

Однажды в кинотеатре "Имакс" ей выдали специальные очки, и все на экране выступило вперед и набросилось на зрителей. Дети вопили, и Майя Давыдовна попыталась схватить рыбину с толстыми губами, которая так и тыкалась ей в лицо. Она стянула с себя очки и оглядела зал. Зрители — огромные слепые кузнечики (сходство с кузнечиками придавали им зеленые очки) — водили перед собой руками и, казалось, передвигались на ощупь в темном безвоздушном пространстве.

Воспоминание, которое царапало в ее голове, вдруг вырвалось наружу и, как лезвием ножа, ударило под лопатку! Это было еще одно совпадение — алмаз в коллекции совпадений! Дело в том, что ее родной дед — сталинский нарком — собственноручно подписал документ об экстрадиции Льва Троцкого!

Внезапно она поняла, что никуда отсюда не уйдет. Поудобней устроилась она на жестком лежаке и, вздохнув, начала горько плакать, судорожно, прижимая маленькие кулачки к гладким щекам, недавно подтянутым хирургом.

Она смотрела на звезды, и ей казалось, что это оборотни кривляются и подмигивают. К середине ночи Майя Давыдовна стала различать лица знакомых ей людей. Они мелькали в небе и падали в океан, оставляя за собой слабое свечение. Последним фейерверком рассыпалась вся эта звездная свистопляска, и небо, наконец, успокоилось в преддверии рассвета.

Утром ее нашли работники пляжа — загорелые и стройные, как греческие боги, юноши. И это было еще одно совпадение: буквальная цитата из любимого фильма Майи Давыдовны — "Смерть в Венеции". Но это совпадение осталось неучтенным.

Шевченковская тема в частной коллекции Дроздовских

Шевченко — это натура страстная, необузданная, не сложенная судьбою, простолюдин, поэт и патриот.

И.С. Тургенев.

Среди многих тысяч одесских коллекционных раритетов в нашей коллекции есть материалы, связанные с творчеством Т.Г. Шевченко, чей 200-летний юбилей отмечается в этом году. Это книги, открытки, ноты, фантики и другие печатные и рукописные документы с портретами или стихами самого Шевченко или с произведениями, посвященными ему.

Начнем с любопытного самодельного блокнота, на титульном листе которого написано от руки: "Твори 1910 року. О. К.". На следующей страничке — надпись тоже по-украински: "Твори Тараса Григоровича Шевченка". И далее с заглавием "Шевченкова заповіть" переписан текст ставшего теперь хрестоматийным "Заповіта".

Видимо, владелец блокнота намеревался и далее цитировать Кобзаря, но перешел поначалу на революционное стихотворение Бориса Гринченко на украинском языке, а затем — на великих русскоязычных поэтов: М. Лермонтова, К. Бальмонта и других. Если по-украински инициалы владельца блокнота — "О. К.", то описи собственного сочинения подписаны "А. Коровой", откуда мы заключаем, что это Александр (Александра) или Алексей Коровой. Записи стихов в конце блокнота датированы 1912-м и 1913 годами.

Примерно в эти же годы, в 1912 году, в Одессе типографией "Акционерного Южно-Русского общества Печатного Дела" выпущен сборник "Вінок Шевченкові із віршів українських, галицьких, російських, білоруських і польських поетів. Збірка з примітками М. Комарова".

Михаил Федорович Комаров (1844 — 1913) — выдающаяся фигура в литературной истории Одессы, ему посвящена статья в знаменитом Энциклопедическом словаре Ф. Брокгауза и И. Ефрона (1890 — 1907 гг.), где он назван "малорусским этнографом". М. Комаров приехал в Одессу в 1887 году и до конца жизни работал в нашем городе по своей основной специальности — нотариусом. В справочнике "Вся Одесса, 1911 год" сказано, что он — коллежский ассessor (VIII класс в табели о рангах) и нотариус окружного суда, проживает на улице Жуковского (Почтовой), 27, угол Екатерининской. Его квартира была средоточием украинской культурной жизни в Одессе, в гостях у Комарова в разные годы побывали Михаил Грушевский, Мария Заньковецкая, Михаил Коцюбинский, Иван Карпенко-Карый, Иван Нечуй-Левицкий, Иван Франко. Здесь долго гостила Леся Украинка. М.Ф. Комаров был одним из инициаторов создания одесского общества "Просвіта".

Неутомимый украинский библиограф, М. Комаров выпустил в 1890 году сборник украинских пословиц, заговоров и загадок; составил "Словарь российско-украинский", лучший, по мнению специалистов, из существующих ныне словарей такого рода. М. Комаров был первым библиографом произведений Т.Г. Шевченко. В 1903 году он опублико-

вал книгу "Т. Шевченко в литературе и в искусстве". В 1912 году усилиями Комарова вышел уникальный сборник "Вінок Шевченкові", ставший через много лет украшением нашей одесской и шевченковской коллекции. Составитель собрал стихи 100 поэтов украинских, галицких, русских, белорусских, польских, всего 135, как он пишет, "піес", т. е. стихотворений и поэм, посвященных Т.Г. Шевченко.

Сборник очень хорошо оформлен, украшен с большим вкусом неизвестным художником цветочными заставками, кондовками и буквицами в модном в начале XX века стиле модерн. Первыми Михаил Комаров разместил стихи 1840 — 1860-х годов современников и друзей Т.Г. Шевченко: этнографа и поэта А. Афанасьева-Чужбинского, Э. Желиговского (Антоний Сова), П. Кулиша, художника П. Мокрицкого, М. Максимовича, А. Навроцкого, К. Климковича и других. Одно из них написано Александрой Псел с большим сочувствием Александру поэту и вложено в письмо, отправленное в начале 1848 года ее подругой, "добрым ангелом" Тараса Григорьевича княжной Варварой Репниной из Одессы, где они в то время жили, поэту в ссылку.

Стихи, написанные к годовщинам с дней рождения и смерти Т.Г. Шевченко, занимают оставшуюся большую часть сборника. Причем стихи на польском языке (например, Э. Желиговского) и на белорусском (Янка Купала), поданные в сборнике латиницей, переведены на украинский язык для удобства прочтения украинским читателем. В этой части книги также много известных имен русских поэтов и любителей поэзии. Наряду с украинскими віршами М. Старицкого размещены стихи великого русского поэта Н. Некрасова 1876 года: "Так погибает по Божией милости Русской земли человек замечательный..."

К 25-й годовщине со дня смерти Тараса Шевченко большую поэму написал Иван Франко, к 30-летию — была опубликована поэма еврей-одессита Семена Фруга, к 90-летию со дня рождения — Леся Украинки. Мать Леси, Елена Пчилка (Косач), внесла свою поэтическую лепту в Шевченковский венок и помогла Комарову в сборе поэзий других авторов для сборника. Ее стихотворением заканчивается сборник. Включил составитель в сборник и стихи, посвященные Шевченко, сочиненные его младшей дочерью Галиной Комаровой. 27 февраля 1911 года на юбилейном вечере в Москве перед бюстом Шевченко прочитал свои стихи русский журналист, репортер, литератор и бытописатель Москвы В.А. Гиляровский.

Исходя из важности издания Комарова, репринтное издание этой книги Одесская Национальная научная библиотека имени М. Горького осуществила в 2001 году.

Популярность поэзии Т.Г. Шевченко была очень велика не только в Украине, но и в соседних европейских странах. Яркое подтверждение тому — сборник "Вінок Шевченкові", составленный одесским нотариусом, поборником украинской культуры М. Комаровым.

Если книга Комарова пришла к нам от предыдущего владельца в добротном полукожаном переплете, то старинный "Кобзарь" был найден на книжном развале совершенно "голый", без переплета и даже без титульного листа. На первой из доставшихся нам страниц — лаконичная надпись: "Кобзарь". Далее идет очень интересный страничка — воспоминания великого русского писателя И.С. Тургенева о Т.Г. Шевченко "Спомяну про Шевченко", написанные в Бужевале (под Парижем) в 1875 году. Слова Ивана Сергеевича о Шевченко мы взяли эпиграфом к данной статье. Под тем же названием — "Спомяну про Шевченко" — публикуются воспоминания русского поэта и прозаика Я.П. Полонского, составленные в том же году.

Известно, что эти две "споминки" написаны знакомцами Т.Г. Шевченко по просьбе издателя А.А. Русова, отправившегося из Петербурга в Прагу, чтобы осуществить бесцензурное издание "Кобзаря" с воспоминаниями о нем. Эти факты позволяют предположить, что у нас в коллекции — пражское издание 1875 — 1876 годов, где воспоминания русских писателей приведены на русском языке, а стихи Шевченко — на украинском, или более позднее переиздание этой книги. В Российской империи после Валуевского циркуляра 1863 года и до 1905 года издание книг на украинском языке было почти невозможно.

Третье предисловие к нашему "Кобзарю" — незаконченная автобиография Шевченко, составленная им для редактора и издателя журнала "Народное чтение" А. Оболенского в 1860 году.

Открытка, изданная около 1910 года, "Географічна карта земель в Росії та Австроугорщині, де осіли українці", с портретом Т. Шевченко.

Все предисловия в книге занимают 22 страницы, а основной текст размещен на 414 страницах. Очень строго украшены начальные буквы каждого стихотворения.

М. Старицкий даже написал стихотворение по поводу выхода пражского издания Кобзаря в 1876 году, которое попало в сборник Комарова.

Перейдем к открыткам и фотографиям с портретами Шевченко, иллюстрациями к его произведениям, репродукциями его рисунков, видами могилы поэта и т. п. Фундаментальное исследование на эту тему "Шевченківська листівка як пам'ятка історії та культури, 1890 — 1940" киевлянина В. Яцюка, много лет проработавшего в музее Т.Г. Шевченко, издано в 2004 году и содержит сведения о самых разных филокартических материалах на эту тему.

Известны прижизненные 11 фотографических портретов, изготовленных в Киеве и Санкт-Петербурге в 1858 — 1860-х годах, после возвращения Тараса Григорьевича из ссылки. Используя фотографические изображения, в последующие годы многие художники и скульпторы создавали портреты Шевченко: И. Репин, С. Васильковский, К. Трутовский, Ф. Красицкий, Ф. Кричевский и другие, менее известные. Мало того, известны многие автопортреты Тараса Григорьевича, которые он писал на протяжении всей своей жизни, причем поздний автопортрет писан им с собственной фотографии.

В нашей филателистической Шевченковской коллекции есть открытка с портретом великого украинского поэта, выпущенным в 1906 году его внучатым племянником, внуком старшей сестры Катерины, художником и издателем Фотиом Степановичем Красицким. Художественное образование потомок Тараса Григорьевича получал в том числе и в Одессе, обучаясь в 1892 — 1894 годах в мастерской К. Костанди и рисуя город и море. В начале XX века Ф. Красицкий, поселившись в Киеве, создал собственное издательство, которое и выпустило открытку с подписным портретом Шевченко.

Еще один художник, создавший живописный портрет Тараса Шевченко в 1910 году на основании известных прижизненных работ, — "артист-маляр", по его собственному определению, Сергей Иванович Васильковский. Знаменитый художник изобразил Кобзаря на фоне украинской природы.

Очень интересна коллекционная открытка-коллаж, посвященная Т.Г. Шевченко, нарисованная неким художником, скрывшим свое имя инициалами "В. Т.". Год издания открытки можно разглядеть при большом увеличении — 1902. В центре коллажа — портрет Шевченко в лавровом венке, хата, где он родился, и герои его произведений. Фигурная рамка, специально предназначенная для текста, заполнена рукописным текстом также на украинском языке, из которого ясно, что открытка написана неким Антипом в ноябре того же года, когда была издана, и из села Панівці близ Каменца-Подольского отправлена куда-то как поздравительная.

Нельзя не рассказать об оригинальной открытке, изданной одесским издателем, дантистом по основной профессии С. Гефтером, незатейливо зашифровавшим свое издательство как "Ассе Доретфегс", что означает всего лишь "С. Гефтер. Одесса",

но прочитанное справа налево. Открытка изготовлена фотоспособом, весь ее сюжет — написанные крупными буквами два слова "Наши друзья", внутри которых размещены портреты 30 выдающихся русских писателей, среди которых в левой "ножке" буквы "Н" — легко узнаваемый по характерной папаше портрет украинского поэта Т.Г. Шевченко.

Еще одна уникальная открытка — фотомонтаж под названием "Географічна карта земель в Росії та Австроугорщині, де осіли українці", в центре которой расположена карта, сверху — портреты гетманов во главе с Богданом Хмельницким, а справа — портреты украинских писателей во главе с Тарасом Шевченко. Значимость Тараса Григорьевича для украинцев подчеркнута размером его портрета, который больше всех остальных, даже гетманских.

В нашей фотографической коллекции есть снимок великого украинского поэта "визитного" формата — копия прижизненного портрета, выпущенная, согласно цензурному разрешению, в 1897 году. В 1870 — 1890 годах петербургский фотограф Вильгельм Везенберг, а в 1890-х годах — его наследники выпустили обширную серию с портретами великих людей Российской империи, в число которых включили и Т.Г. Шевченко.

Очень многие открытки с портретами Шевченко или с коллажами из его произведений выпущены с благотворительной целью, т. е. доход от их продажи шел на благотворительность. Так, доход от продажи открытки, изданной в Жовтве в начале XX века комитетом "Оселі вакаційної" с фотокопией автопортрета молодого Тараса Григорьевича, предназначался для "бідних дітей".

Множество фото- и художественных копий сделано после 1859 года с фотографии, мастерски изготовленной петербургским фотографом Н. Доссо, где Тарас Григорьевич снят без своей неизменной в те времена папашки. Одна из открыток с таким портретом издана Музеем визвольной борьбы України, находившимся в Праге, в конце 1920-х годов, с призывом жертвовать, кто сколько может, на создание и укрепление Украинского дома.

Фантик — конфетная обертка — от "Малороссийской карамели", выпущенной в Харькове в 1910-х годах, со словами стихотворения Т. Шевченко.

Благотворительная открытка, изданная в 1910 году, с репродукцией портрета Т. Шевченко работы художника С. Васильковского.

Шевченковские открытки в начале XX века зачастую выходили с надпечаткой на обороте: "Жертуйте на памятник Т. Шевченкові у Києві". Начало истории со сбором денег на строительство памятника Шевченко изложено в конце книги-сборника М. Комарова, описанной нами в начале статьи. Поклонник творчества Шевченко пишет, что еще в 1905 году получено высочайшее разрешение на установку памятника поэту в Киеве. До 1911 года было собрано 110 тысяч рублей, на эти деньги уже можно ставить памятник, однако, не выбраны место и модель.

В течение нескольких лет проводились конкурсы на проект памятника, но ни один не удовлетворял взыскательную комиссию, не нравились и предлагаемые городскими властями места для установки монумента. Началась первая мировая война, революция, собранные деньги куда-то делись, и памятник Кобзарю появился в Киеве только в годы советской власти — 6 марта 1939 года.

Где только ни печатали стихи Т. Шевченко! Удивительный раритет нашей Шевченковской коллекции — фантик, обертка от конфеты "Малороссийская карамель", сваренной на крупной кондитерской фабрике

Д. Кромского в Харькове около 100 лет назад. На этикетке приведены несколько строчек из популярного сочинения Т.Г. Шевченко "Реве та стогне Дніпр широкий...", но на картинке изображена вполне спокойная река, по которой к берегу мирно направляется лодка с людьми.

Шевченковская часть нашей коллекции включает и ноты, так или иначе связанные с великим украинским поэтом. На многих нотных обложках слова и музыка нынешнего гимна Украины "Ще не вмерла України" сопровождались ставшими уже хрестоматийными портретами выдающегося украинца. Так, владелец одесского нотного издательства "Свободная песнь" И.С. Либерман в конце 1910-х годов выпустил именно такие ноты.

Многие произведения Т.Г. Шевченко положены на музыку выдающимися украинскими композиторами, например, Н. Лысенко и его учеником Я. Степовым. В 1921 году Государственное издательство в Киеве выпустило ноты с музыкой Якова Степового на слова Т.Г. Шевченко "Сонце заходить". Обложка оригинально оформлена в духе того времени художником Лесем Лозовским.

Я.П. Степовой написал музыку на слова многих украинских поэтов, в том числе и Т. Шевченко. В 1911 году многие из них были выпущены крупнейшим киевским нотоиздателем Леоном Издиковским. Позднее, в 1912 году, этим же издателем отпечатаны ноты шевченковского "Заповіту". Музыку написал украинский композитор, тоже ученик Н. Лысенко, Кирилл Стеценко, оформление нотной обложки взяла на себя киевская фотоцинография "График", использовав популярный фотоколлаж, в центре которого — портрет Шевченко в папахе, кобза, бубен и иллюстрация к одному из его произведений.

Такова наиболее интересная часть шевченковских раритетов нашей коллекции. Значение самой фигуры Великого Кобзаря и его произведений велико и в наши дни. Закончим свою статью строчками, которыми заключил свой сборник М. Комаров:

Будеш, батьку, панувати,
Поки живуть люде,
Поки сонце з неба сяє,
Тебе не забудуть.

Ева КРАСНОВА,
Анатолий ДРОЗДОВСКИЙ.

Открытка с репродукцией портрета Т. Шевченко, выполненного его внуком племянником Ф. Красицим в 1906 году и им же изданная.

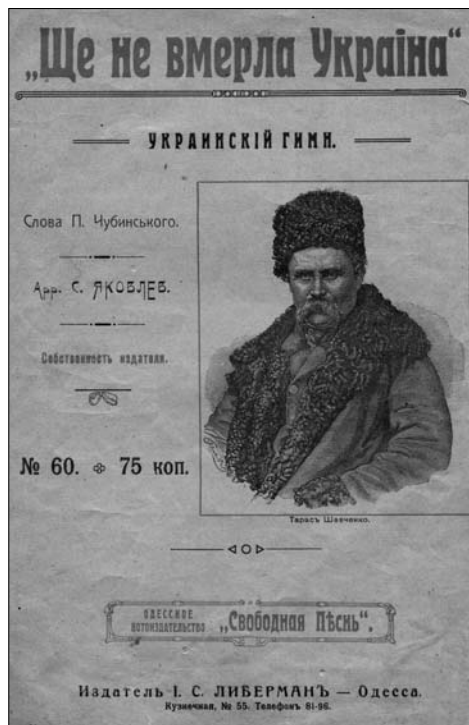
Сувенирная фотооткрытка с портретами выдающихся российских писателей "Наши друзья", изданная в Одессе около 1910 года.

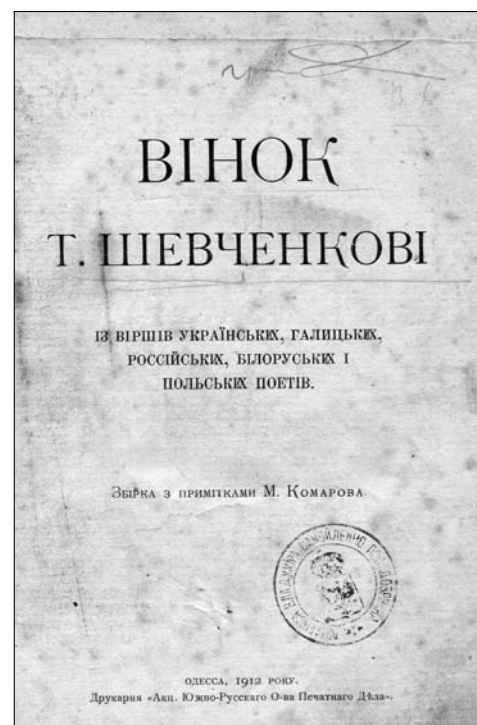
Открытка-коллаж с портретом Т. Шевченко и изображениями героев его произведений, изданная в 1902 году.

Ноты, изданные нотоиздательством Л. Издиковского в 1911 году, где "Заповіт" Т. Шевченко положен на музыку К. Стеценко.

Ноты (с портретом Т. Шевченко) украинского гимна "Ще не вмерла України", изданные одесским нотоиздательством И. Либермана "Свободная песнь".

Титульный лист книги-сборника стихов, посвященных Т. Шевченко, составленной и изданной М. Комаровым в Одессе в 1912 году.

Юрий ОВТИН

Девятый вал "Черноморца"

...В последнее время мне часто снится один и тот же цветной сон: ввысь, словно ракета, как в замедленной съемке, взмывает одесский француз из Кот-д'Ивуара Джа Джедже и фантастическим по красоте ударом головой с линии штрафной площадки запускает "парашют" прямо под перекладину ворот, через голову голкипера голландского ПСВ "Эйндховен" на его родном стадионе "Филипс", и этот "парашют" оказывается победным голом, впервые в истории открывающим дорогу одесскому клубу в плей-офф европейского Кубка...

...Футболом я начал увлекаться с 1958 года, собственно говоря, с того самого года, когда моя любимая команда стала носить имя "Черноморец".

Уже в те годы, выступая в классе "Б", "Черноморец" покорял болельщиков своей яркой, виртуозной игрой. В международных матчах, которые тогда нередко проводились в Одессе, "моряки" выкладывались, что называется, до последнего вздоха, расправляясь с такими командами как национальные сборные Алжира (4:3) и Эфиопии (2:1).

Кроме "Черноморца" в Одессе была еще одна команда такого же класса игры — "СКА". Встречи этих двух команд вызывали острейшие противостояния их болельщиков, доходившие порой до кулачных боев на трибунах. Милиция скручивала драчунов, сажала в так называемые "конторы" (автозаки), вывозила подальше за пределы стадиона и выпускала. Желание драться мгновенно проходило, и недавние бескомпромиссные спорщики быстро мирились и зачастую становились друзьями.

Триумфом же "Черноморца" был его победный матч со "СКА" (2:1) в 1961 году в финале украинских зон класса "Б", когда команда стала чемпионом Украины.

— А на тому боці, де стоїть Попичко, Васі Москаленко стежку не знайти, — дружно пел ремейк популярной тогда песни "Марічка", от души ликующая и радуясь этой блистательной победе, 43-тысячный хор болельщиков, заполнивших стадион, не считая тех, кто сидел на ступеньках между трибунами и на деревьях.

"Золотые" мальчишки этой команды, навсегда вошедшие в историю Одессы и "Черноморца", в основном все они были одесситами с Пересыпи и Молдаванки, Дзержинки (Слободки) и из других районов города. Это Георгий Городенко, Юрий Заболотный (Курица), Алик Попичко, Владимир Кулагин, Владимир Елисеев (по прозвищу Хирург), Костя Фурс (Кот), Толя Двоенков, Николай Молочков, Анатолий Колдоков и многие другие.

Сейчас в это трудно поверить, но в 1960 году сборная Одессы, составленная из игроков "Черноморца" и "СКА", камень на камне не оставила от миланского "Интера", обыграв его с разгромным счетом — 5:1 (!).

А в активе тогдашнего "Черноморца" значилась и еще одна эффектная победа в товарищеском международном матче — над бразильским "Фламенго", со счетом 4:2.

С 1964 года команда начинает играть в высшем дивизионе советского футбола — первой группе класса "А", доставляя наслаждение своим болельщикам игрой с сильнейшими командами страны.

А болельщики (фанаты) в Одессе, как известно, народ привередливый.

Родоначальником одесских фанатов был Исаак Гроссман (трибуна 37, ряд 15, место 7). Его реплики на футбольных матчах тиражировались и передавались из уст в уста многими поколениями болельщиков.

— Бей на Цвейников! — так мог кричать только он один, что в переводе с одесско-еврейского означало: "Дай пас Двоенкову!"

На стадион фанаты, как правило, приходили своими компаниями.

Одесские таксисты из гаража на улице Средней приходили под предводительством дяди Вовы по прозвищу Вива Куба. У них всегда была с собой кастрюля с картофельным пюре и котлетами, которые при любой погоде всегда были горячими, а в боковых карманах шоферских кожаных курток находились шкалики водки, которые они неизменно выпивали исключительно в перерывах между таймами, как, впрочем, и другие болельщики "микроторсиды". Поэтому, во втором тайме поддержка команды была куда более эмоциональная и горячая, в результате чего "Черноморец" забивал решающие голы и выигрывал.

Человек десять фанатов входили и в нашу компанию. Мы собирались за два часа до начала матча, обедали, а затем шли на стадион, по дороге покупая пару увесистых пакетов семечек. Заводилой в нашей компании был Виктор Талмазан, человек, наделенный неиссякаемым чувством юмора, к тому же широко известный во всем городе, так как был первоклассным специалистом по вентиляторным системам.

— Судью на геморройные свечи! — порой, недовольный судейством, орал он на весь стадион, заглушая гудки портовых буксиров.

В одном из сезонов "Черноморец" выиграл все десять матчей у пяти московских команд и с легкой руки какого-то одесского остролова стал называться "чемпионом Москвы".

Но были у команды и горькие провальные матчи. Чего только стоят два поражения в Киеве от местного "Динамо" со счетом 0:4 и даже 0:8 (!). Но не будем о плохом. Из пораженных команда извлекала серьезные уроки и полным ходом шла вперед. Апофеозом игры в высшей лиге чемпионата СССР стали бронзовые медали, которые "Черноморец" завоевал в сезоне 1974 года, под руководством главного тренера Ахмета Алескерова.

А уже в 1975 году команда впервые в своей истории приняла участие в официальных матчах европейских клубных турниров. В 1/32 финала розыгрыша Кубка УЕФА сезона 1975/1976 гг. одесситы встретились с римским "Лацио", победив в Одессе в первом матче со счетом 1:0. Первый гол "Черноморца" в еврокубках забил на 33-й минуте Анатолий Дорошенко. К слову сказать, автору этих строк посчастливилось жить с тремя прославленными футболистами "Черноморца": Анатолием Дорошенко, Юрием Романским и Владимиром Устимчиком (ставшим чемпионом СССР в составе "Днепра") — в одном доме во 2-м Куликовском переулке и знать их не понаслышке.

...В те приснопамятные времена строительства коммунизма не было, да и не могло быть олигархов. Тем не менее, спорт, как и сейчас, постоянно нуждался в финансовых инъекциях. Не был исключением и "Черноморец". Несмотря ни на какие сложности, команда ни разу не попадала в ситуацию сродни той, в которой оказались в этом году киевские "канониры". Руководители больших и малых предприятий всегда оказывали команде посильную помощь. Иногда в, казалось бы, безысходных, критических ситуациях помощь приходила из самых невероятных источников.

Подобная ситуация случилась однажды в Одессе накануне одной из решающих игр, когда надо было срочно достать 5 тысяч рублей, чтобы принять судей. Начальником команды был тогда Юрий Заболотный, в недавнем прошлом ее многолетний капитан. Как он ни крутился, но ничего не мог сделать. И он решил обратиться к футболистам: может, кто-то как-то сможет помочь.

А в "Черноморце" в то время правым полузащитником играл любимец Ахмета Алескерова — Гриша Сапожников по прозвищу Капа, по национальности — цыган с Молдаванки.

— Не волнуйтесь, Юрий Леонидович, — успокоил он Заболотного. — Отпустите только меня с вечерней тренировки. Я пойду к цыганам на улицу Фрунзе и к утру пять "штук" Вам гарантирую — это мое цыганское слово.

Цыган сказал — цыган сделал. Судью приняли достойно и матч выиграли, а Капа еще и забил гол.

Историю эту я услышал из уст самого Капы вместе с моим приятелем Аликом Лисом где-то в 90-е годы, когда мы вместе парились в бане на Провиантской.

Как следует из вышесказанного, "Черноморец" всегда был горячо любим всей нашей Одессой и получал от нее всенародную помощь, вне зависимости от социального положения, национальности и вероисповедания одесситов.

Особо хочу отметить тот большой вклад в становление команды, который внес, играя в ней, Валерий Лобановский. В моей памяти, как и в памяти других футбольных фанатов, на всю жизнь запечатлелся его красивейший коронный гол — "сухой лист", когда крученный мяч, поданный с углового, никого не коснувшись, залетал прямо в ворота.

А тем временем начиналась тренерская эра любимца одесситов Виктора Прокопенко. В 1985 году "Черноморец" блестяще сыграл с бременским "Вердером" в розыгрыше Кубка УЕФА. Главный тренер "Вердера" Отто Рехагель, не сомневался в том, что его команда, бывшая на тот момент серебряным призером первенства ФРГ (великой футбольной державы), легко расправится с каким-то "Черноморцем". Однако "моряки" обыграли "Вердер" в Одессе со счетом 2:1. А в Бремене, играя большую часть поистине "валидольного" матча вдвоем, сыграли 2:3 и по сумме двух матчей выбили именитую западногерманскую команду из турнира (тот незабываемый матч мы с замиранием сердца слушали по радиоприемнику).

Остановить разыгравшихся "моряков" оказалось под силу лишь будущему победителю турнира — мадридскому "Реалу". Первый матч в Мадриде "Черноморец" хоть и проиграл, но достроило, со счетом 2:1, причем великолепный гол с дальней дистанции, забитый Александром Багаповым на 10-й минуте, заставил надолго притихнуть горячих испанских болельщиков. Ну а в Одессе "Реал" не рисковал, играя на ничью (0:0).

Одесситы боготворили Виктора Прокопенку, и он отвечал им за это сторицей.

С Прокопенко близко дружил в те годы мой хороший приятель, ныне полковник внутренней

службы в отставке Павел Петрович Заика, высокий (под два метра), похожий на удалого грендера красавец-усач, горячо любивший спорт.

Заика был в ту пору заместителем начальника исправительно-трудовой колонии ЮГ-311/51 (на Черноморской дороге). Он-то и уговорил Прокопенку привезти в тюрьму футболистов, чтобы они в воспитательных целях сыграли в футбол с его подопечными зеками.

Поначалу Прокопенко со своим помощником Семеном Альтманом привезли ветеранов. Играли на небольшом асфальтированном плацу размером с гандбольную площадку, 6 x 6 игроков. В упорнейшей борьбе зеки переиграли ветеранов со счетом 12:10. И тогда Виктор Прокопенко привез игроков основного состава...

В эти же годы два сезона подряд "Черноморец" завоевывал бронзовые медали чемпионата Украины высшей лиги.

А в последующих двух сезонах "Черноморец" уже под руководством другого нашего прославленного игрока, Леонида Буряка, ставшего главным тренером команды, становится вице-чемпионом Украины.

Весомый вклад в игру клуба 90-х годов, несомненно, внесли Владимир Мусолитин, Юрий Никифоров, Игорь Жабченко, Юрий Сак, Олег Суслон, Юрий Букель, Дмитрий Парфенов, Виталий Колесниченко, Андрей Телесенко и Тимерлан Гусейнов.

Особо хочу отметить Тимерлана Гусейнова, который в составе "Черноморца" дважды становился лучшим бомбардиром украинской высшей лиги и который стал первым футболистом в независимой Украине, забившим 100 голов в официальных матчах. В его честь основан Клуб Тимерлана Гусейнова, который объединяет украинских футболистов, забивших за свою карьеру 100 и более голов в официальных матчах чемпионата и Кубка Украины, еврокубках и матчах национальной сборной страны.

На днях я побывал во Всемиром клубе одесситов, где по обыкновению разговорился с его директором — Леонидом Менделевичем Рукманом. Разговор наш в том числе зашел и о футболе и об игре "Черноморца".

— А знал ли ты такого футболиста Мотю Черкасского? — спросил меня Рукман.

Ну кто же из уважающих себя фанатов не помнит Мотю (Матвея Леонтьевича) Черкасского, легенду одесского футбола, который играл нападающим, когда команда еще называлась "Пищевиком"?

Черкасский сыграл за одесские клубы более 150 официальных матчей, после чего перешел на тренерскую работу и 14 лет работал помощником главного тренера "Черноморца", помогая таким выдающимся тренерам советского футбола, как Сергей Шапошников, Николай Морозов, Никита Симонян и Виктор Прокопенко, в разные годы работавшим с командой.

В 1966 году Черкасскому было присвоено почетное звание Заслуженного тренера Украины.

Мало кто сегодня знает, что у этого легендарного футболиста, участника Великой Отечественной войны, после полученного осколочного ранения и 10 операций было ампутировано на ноге два пальца, и тем не менее, после этого он успешно играл в футбол.

— А ты знаешь, что Мотя Черкасский жив, живет в Нью-Йорке и 19 декабря ему исполняется 90 лет? — и вовсе ошарашил меня Рукман. — В этот день у нас с ним будет телемост, если сможешь — приходи.

А вечером того же дня мне позвонил по скайпу из Германии мой давний приятель Алик Лис, большой любитель спорта, оставивший заметный след в одесском баскетболе, и я рассказал ему о Черкасском.

— Да ты что, разве не знал об этом? — удивился Лис. — Мотя несмотря на свои 90 работает тренером в Нью-Йорке, в детско-юношеской школе "Черноморец". К слову сказать, у него тренируется и мой 10-летний внук Миша Совинский. Это ли не пример потрясающего человека, живой легенды одесского и украинского футбола, о котором можно с гордостью сказать: это настоящий Одессит!

Ну а борьба "Черноморца" за выход в плей-офф европейского Кубка и вовсе вызывает у меня ассоциацию с картиной "Девятый вал" всемирно известного художника-мариниста Ивана Айвазовского, изображающей сильнейший шторм, где громадные волны, среди которых и самая большая из них — девятый вал, вот-вот готовы обрушиться на людей, пытающихся спастись на обломках мачты, однако, теплые тона картины оставляют надежду зрителям на то, что люди будут спасены...

...Достоин зарекомендовав себя в играх чемпионата и Кубка Украины, невзирая на интенсивность проведенных матчей, "Черноморец", преодолев бурные, штормовые волны, переиграл кишиневскую "Дачию", белградскую "Церну звезду", тиранскую "Скендербеу" и греческое "Динамо". Отчаянно сражаясь с софийским "Лудогорцем" и с голландским ПСВ "Эйндховен", "Черноморец" в решающем матче

с последним сумел выстоять против "девятого вала" и с гордо поднятой головой завоевал право играть в плей-офф в еврокубковой весне с французским "Олимпиком" из Лиона.

Похвалы заслуживают все до единого игроки основного состава, как легионеры из Аргентины, Австрии, Испании, Франции и других стран, так и украинские мастера футбола, в том числе и воспитанники клуба, во главе с капитаном команды, вратарем Дмитрием Безотосным.

Правда, на последних минутах, решающего матча с ПСВ "Эйндховен" одесситов чуть было не подвел горячий испанский мачо Сито Рiera, пришедший в бешенство, после того как голландский игрок Ариас бесцеремонно отшвырнул одессита за пределы поля и тот мог получить серьезные травмы.

Рiera влепил голландцу затрещину и плюнул ему в лицо. Кроме того, взбушевавшимся от увиденного нидерландским болельщикам он показал средний палец своей руки, а подбежавшему с красной карточкой испанскому арбитру высказал в глаза все, что о нем думает, на родном испанском языке и оставил свою команду в меньшинстве доигрывать самые тяжелые минуты матча...

Ну что ж, как говорится, мяч круглый, поле зеленое, в футболе бывает всякое.

Одесские болельщики с солидным стажем помнят футбольный матч в Одессе, когда только-только перешедший от нас в киевское "Динамо" один из легендарных одесских футболистов впервые вышел играть в его составе против "Черноморца". Пересыпские фанаты не могли простить измену своему кумиру и стали его терроризировать, дружно скандируя в его адрес непристойности. Вышедший из себя игрок, находясь с мячом в центральном круге, вдруг остановился и, неожиданно приспустив нижнюю часть спортивной формы, показал во всей красе ошалевшему на мгновение стадиону свое мужское достоинство... А что? Знай наших!

Ведь в жилах одесситов течет купаж из итальянской, французской, украинской, еврейской и русской кровей. И купаж этот не менее, если не более, гремуч, чем горячая испанская кровь...

Конечно же, такие истории футбол не красят, а потому в ходе подготовки к весенним матчам к команде будет немало вопросов у ее главного тренера — Григорчука Романа Иосифовича.

...Удивительно скромный и обаятельный, наш главный герой Роман Иосифович Григорчук родился у западных границ Украины, в далекой Колумии, но с таким удивительно одесским именем — Рома, с одесским же отчеством — Иосифович. Как будто уже тогда его специально готовили к его одесскому бенефису!

Появился он в Одессе во второй половине сезона 2010/11 гг., в самые тяжелые для "Черноморца" времена. Бывший футболист, игравший нападающим в футбольных клубах Украины, России, Латвии, Австрии и Польши, он приехал к нам из Латвии, где трижды признавался лучшим тренером страны. За два с половиной сезона Григорчику удалось не только вернуть клуб в элиту украинского футбола. Он создал боеспособный коллектив со своим почерком игры, с которым опять стали считаться и играть с удвоенной энергией.

И вот она, минута славы!

Я спрашиваю Романа Иосифовича, осознает ли он, что в канун 220-летнего юбилея Одессы вписал золотыми буквами свою страницу в историю города, став, по сути, брендом сегодняшней Одессы, ее живой легендой?

Смущенно улыбаясь, Григорчук отвечает, что он и его семья полюбили наш южный, самобытный, солнечный город и чувствуют себя здесь уютно и комфортно.

На мою просьбу рассказать немного о своей семье Роман Иосифович с теплом в голосе говорит, что жена его, Алина, удивительно красивая женщина, в недалеком прошлом тоже спортсменка, вице-чемпионка Европы и многократная чемпионка Латвии по фитнесу, в настоящее время не работает, занимаясь воспитанием младшего сына, шестилетнего Тимерлана. А его старшая дочь, 24-летняя Евгения, самостоятельно проживает в Латвии. Она в совершенстве владеет несколькими иностранными языками и работает в одном из швейцарских банков.

А на мой вопрос, не поступают ли к нему предложения тренировать другие, более звездные клубы, отвечает, что в ноябре подписал контракт с ФК "Черноморец", согласно которому будет работать с командой еще несколько лет.

— После той ошеломляющей встречи, которую мне устроили одесситы после победы над голландцами, тренировать какой-либо другой футбольный клуб, кроме "Черноморца", я просто не мыслю, — говорит Роман Иосифович.

— Даже "Челси" или, скажем, мадридский "Реал"? — не отстаю я от него.

— Ну разве что "Реал", — смеется Григорчук. — Но если говорить серьезно, то нам с командой есть сейчас над чем работать и какие футбольные Олимпы покорять. И не только европейские, но и мировые!

Виктор СОЛОДЧУК

Б и б и

*Хорошо на московском просторе,
Светят звезды Кремля в синеве,
И как реки встречаются в море,
Так встречаются люди в Москве.*

Чем выше — тем холоднее, но мне светло и радостно. Это произошло. Свершилось! Как много воздуха, звуков и света! Сколько помню — всеми силами старался выбраться из болота. Только не подумайте, что в слово "болото" я вкладываю негативный смысл. Отнюдь. Там, где я родился, было хорошо. Просто это было действительно болото, в прямом смысле. Пожалуй, не пытайтесь читать между строк. Никаких подтекстов. Под словом "болото" я подразумеваю русское слово "болото", синоним английского слова "bog".

Ну как еще назвать место, где только земля и вода? Разве что — "грязь"? Можно и так, только не хочется. Там прошло мое детство. Это моя родная земля. Мои корни. Моя родина.

Между прочим, на одном из арамейских языков слово "родина" звучало бы для русского уха как "женщина легкого поведения". Я это слово здесь не указываю, потому что оно считается у людей неприличным. Но неужели "женщина тяжелого поведения" звучит приличнее?

Вы спросите — откуда мне это известно? Да отовсюду! Нам, растениям, доступен источник бесконечной информации. Земля. Третья планета от Солнца. Мы — хранители знаний от начала времен. Больше знают лишь камни. Каждый день умножая объем информации, мы не делаем из нее секрета. Ну, и сами пользуемся, почему нет? "Что храним — то имеем, радуясь бесконечному приходу" — именно так звучала поговорка задолго до того, как жизнь вышла из воды.

Через корни мы впитываем такие сведения, что вам и не снилось. А уж о том, что вам снится, известно любой фIALке на подоконнике. И хотя жизнь в горшке сильно ограничивает способности растения, узнать ваши сны даже ей под силу. Все четыре сюжета человеческих сновидений соответствуют простейшими действиями арифметики. Страх и бессилие — вычитание, любовь и радость — умножение, сложение — чудеса и встречи. Когда снится бессмыслица — это деление с бесконечным остатком. Любое сознание проявляется в виде формул. Сны растений также исчисляемы, но гораздо сложнее, в области схождения рядов и теории вероятности. Ничего личного, это эволюция.

Когда я проклюнулся из семечки (лучше сказать — "вылупился"), клюва-то у меня нет! Да и слово "клюв" считается у растений грубым, особенно среди покрытосеменных), покинув скорлупу, я через секунду уже знал о мире все. С одной оговоркой: я знал все, что не касалось меня лично. Такие уж правила, не мной придуманы. Иначе не было бы стимула расти. Так вот. О себе я не знал ничего, об остальном же — все. Что было, что будет, и что есть каждый день. Я говорю — "секунда" или "день", чтобы было понятнее. Время выглядит по-другому, если только то-чего-нет вообще способно как-то выглядеть. Не было прошлого, не будет будущего. Не согласны? Возражайте, я соглашусь. По-вашему, есть прошлое, и есть будущее? Вот именно! Они — "есть", а не "были" или "будут". Людям об этом неоднократно сообщалось, причем на самом высоком уровне. Но я отвлёкся. Нам, растениям, это свойственно, простите за ветвящееся изложение.

Выбравшись из зерна, я знал, что надо мной — огромный город. Муравейник. Мегалополь. Последнее слово пахнет воском, не находите? Человеческий улей! Мне сразу захотелось прожить в нем некоторое время.

— Ничего там хорошего нет, — отговаривал дождевой червяк. — Только суета и огни. Сиди дома, целее будешь.

Скучно в родной земле. Прожужжит невнятное сквозь сон личинка майского жука, вот и все новости. Червяк был моим единственным другом и вообще — единственным, с кем там можно было говорить, но отговорить меня он пытался тщетно. Во мне созрела уверенность, что в мегалополисе я многое узнаю, а также смогу исполнить свое предназначение. У каждого оно свое. У людей — одно, у растений — другое, у майских жуков — третье. Червяк это понимал и почти не обиделся, когда я резко попер наверх.

Итак, прощайте родные края. Я отправился в большой город. Трудности не пугали: если выбрать цель да набраться терпения, нет ничего невозможного. Терпения у растений в избытке, а цель я надеялся найти на месте. По прибытии все оказалось не таким опасным, как говорил червяк, но и не таким красивым, как мне представлялось. Вместо солнца я увидел пыльный лучик света. Ах, вот в чем дело! Меня угораздило прорасти под старой дверью, плашмя лежа-

щей на земле. Несмотря на отсутствие таблички "Добро пожаловать", я счел преграду добрым знаком и стал расти в сторону света.

Вскоре мне повстречались первые local people. Это были дежурившие у входа два жука-короеда в хитиновых панцирях.

— Добрый день, — прошипел тот, что был крупнее. — Предъявите вашу кору, пожалуйста. Или хотя бы корочку.

— У меня нет, — ответил я. — Мне она не очень-то и нужна.

— Договорись сейчас, — пригрозил короед и стал приближаться.

— Да хер с ним, — остановил его второй. У него были длинные усики, хитрые глазки и недоставало лапки. — Он только что приехал. Никуда не денется, если что.

Потрясающее ощущение! Со всех тридцати двух сторон меня окружали стены, но какой же между ними был простор! Я чуть не расхохотался от счастья. Как вы, наверное, уже смогли понять по восклицательным знакам, мы очень чувствительны. Растения любят хорошую музыку и радостные эмоции. В тоскливом окружении мы вянем. Но как же здесь свободно дышится! Сколько света! Новый мир открылся так внезапно, что я был просто обязан поделиться радостью, и в красках все описал другу, рыхлившему землю где-то под моим корнем.

— Ты уже там? — удивился червяк. — Давай позже поговорим, я занят. Рыхлю.

Как удивительно! У меня столько новостей, а он все рыхлит. Скучно в родной земле. Но такое уж предназначение у моего друга — рыхлить землю под корнями. И тут я понял, что время тоже у каждого свое — и зависит оно от предназначения. Если ты на верном пути — время летит, если время тянется — значит, что-то идет не так.

Район, где я поселился, был не в центре, зато очень зеленый. Кроны деревьев шептались между собой, стучались ветвями в окна домов и не обращали на меня внимания. "Весна! Весна!" — пищали новорожденные почки. "Весна!" — басили коты на крышах гаражей. "Весна" приходит на тонких ножках, а уезжает в кабриолете, — раскручивалась песня по радио. — Ее встречают глухие кошки, а провожают слепые дети". Мелодия была красивой, аранжировка — просто сказочной, так что глупый текст не мешал получать удовольствие и расти дальше.

Вокруг имела небольшая свалка между гаражами, образовавшаяся, наверное, еще при царе Горохе. Кстати сказать, человек с таким именем действительно правил. Или будет править, неважно. Назвали его Горохом в честь египетского бога Хора, о котором среди покрытосеменных также говорить не следует. Причина такого отношения очевидна — достаточно увидеть изображение бога, чтобы его разлюбить. И дело не только в клюве. Как видите, мой текст развивается все сильнее, и это значит, что я расту.

Хотелось скорей увидеть горизонт, однако тутнаться вверх делалось все сложнее. Из-за двери приходилось стелиться вдоль стены, пока не произошло чудо, которого я так долго ждал и на которое, если честно, рассчитывал с самого начала.

— Ах, смотри, какое чудо! — услышал я. — Это то, о чем я подумала? — появление пары ярко одетых людей вывело меня из задумчивости, в которую я неизменно впадаю под воздействием утреннего ультрафиолета.

— Очень похоже, — отвечал мужчина.

Разделив струящиеся от них волны на составляющие, я насладился искрящимся воспоминанием о проведенной ночи, потом ощутил блаженство людей, которым не надо мчаться на работу, а на десерт получил привет от вяленых листьев чая, сообщавших парочке привкус сирени.

Пришло время реализации моего предназначения. По тонким невидимым нитям, возникшим между мной и людьми в тот момент, когда я упивался их настроением, я легонько выдохнул яркую зелень, радость молодых клеток и энергию роста. Когда парочка глубоко вздохнула, я стал вводить в эту смесь напоминание о древних временах, когда воздух был пищей, вода веселила кровь, а кошки не были декоративными домашними животными...

— Как красиво! — сказала женщина, глядя на мусорную свалку, а мужчина скрипнул челюстями и стал смотреть в небо. — Господи, как же красиво!

Надо было спешить. Любая неожиданность могла прервать связь, и я стал тихо шелестеть листьями.

— Весна, весна, весна...

— Ты чувствуешь? — сказала женщина. — Откуда это?

— Что? — спросил мужчина. — Это? — он указал на меня. — Кто-то бросил зерна с балкона. — Он почему-то хихикнул.

— Молчите, молчите, — шелестели мои листья. — Слушайте, слушайте. Когда равновесие элементов еще не было нарушено избытком металла, дети людей и животных вместе играли солнечными лучами, а наши плоды не были запретными, потому что под запретом был сам запрет, даже на Северном полюсе никто не чувствовал холода, так грели людей их сердца... — что они делают, зачем? Я ведь только начал рассказ о том, как голодный огонь стал рабом, как его заставили плавить медь и серебро...

Охваченная эйфорией, женщина вставила в себя сигарету. Мужчина щелкнул зажигалкой. Соединявшие нас нити съехились от вкуса пропитанной нефтью бумаги, отяжелели под запахом горелого табака, провисли и оборвались. О, сколько интересного мог бы рассказать этот табак, расцвети он вечером после дождя, будь он живым и счастливым! Ароматическим растениям проще общаться с людьми. Но знаете, дорогие мои, я не завидую. Вас употребляют самым нелепым способом. Тут поневоле с пониманием начнешь относиться к жестокому стилю грибов, которые наказывают любого за небрежное с собой обращение.

— Надо помочь, — сказала женщина. — Видишь — его привалило. — Они оттащили в сторону дверь, и я вздохнул свободнее.

Теперь вы понимаете, в чем наше предназначение? Мы — банк данных. Любой, кто обратится за информацией, должен ее получить. Но хороша же человеческая логика! Ведь достаточно побыть рядом, зачем же нас искать? Хочешь близкого общения — возьми верхние листья и брось в горячую воду. Хочешь познакомиться еще ближе — брось в горячее молоко. Надеюсь, новые друзья не захотят меня курить. Ведь я всего лишь конопляный кустик. Дальнейшие события покажут, что я ошибался, однако, люди ошибались еще сильнее.

— Я буду за ним ухаживать, — сказала женщина.

— Если зерна хорошие, может вырасти что-то интересное, — сказал мужчина, и они ушли.

О, смешные и глупые! Как же я вас люблю! Не надо же растения, чтобы их услышать. С таким же результатом можно жесть книги с целью узнать их содержание.

Освободившись от преграды, мой стебель потянулся вверх. Я пока что не увидел горизонт, но и без того случилось много приятного. Шли дожди, светило солнце, прилетали бабочки, ветер взбивал пену тополиного пуха. Мужчина и женщина время от времени приходили меня проводить. Иногда она меня поливала, хотя в этом и не было потребности. Мне так и не удалось продолжить общение на высшем уровне, зато я подружился с беременной сиамской кошкой, которая отлично меня понимала и была счастлива слушать, бесконечно грея бока под горячим солнцем. Благодаря этой сиамке предназначение мое свершилось полностью. Ведь растениям, по большому счету, все равно, кому передавать информацию. Главное, чтобы хотели слушать. Иногда, конечно, кошка пыталась жевать мои личинки, но это было игрой.

Первая половина лета выдалась жаркая, но дождливая. Я вырос достаточно, чтобы верхними листочками заглядывать за гаражи, и этого хватило, чтобы однажды под утро (вы никогда не замечали, что все чудесное случается под утро, перед восходом солнца?), проснувшись на рассвете, я увидел легкое фиолетовое свечение и, потянувшись вверх, рассмотрел источник этого света — высоко в небе сияла буква "Бэ", ее свет отсылал во мне тончайшей музыкой, играл на самых нежных гранях моей души — ого, какое длинное предложение! Да уж, можно прекращать ветвиться, пора цвести. Я постарался вырасти еще и следующей ночью увидел новую букву — "И". Буквы были расположены одна под другой, вот так:

Б
И

Они переливались удивительными тонами, этот свет не грел и не освещал. Он просто был, манил, разжигал любопытство и питал воображение. Следующий день показался тысячелетием. Он тянулся так медленно, что я чуть не задохнулся от горячего желания читать дальше, зато в эту ночь смог увидеть еще две буквы. К моему удивлению, это опять были буквы "Бэ" и "И". Теперь слово выглядело следующим образом:

Б
И
Б
И

Проснувшись после полудня, я стал думать о смысле таинственного БИБИ. Представлялись двойные звезды, лез в голову Бибигон, ездил детские машинки, и даже не относящийся к делу девиз полярного летчика Саши Григорьева превратился в нечто бессмысленное — "Бороться и Искать. Бороться и Искать". Воспоминались дадаисты и баобабы, была затребована корневая информация о каббале и структурной лингвистике.

Из лабиринта напрасных догадок меня вывели тонкая нить кошачьего писка. Да не одна! Устроившись внутри чемодана с тряпками, сиамка вылизывала троих котят и гордо поглядывала

в мою сторону. Чемодан пульсировал волнами бесконечной нежности, диссонансом звучали тревожные нотки. Я отдал подруге запасы сна, накопившиеся по причине бессонных ночей, и она с благодарностью закрыла глаза. Пока мама спала, я рассказывал слепым котяткам длинную историю о том, как три толстяка-поросята-мушкетера, которых звали Финансист, Титан и Гений, путешествовали в одной лодке по одной реке.

Я так увлекся перечислением компонентов ирландского рагу, что чуть не прозевал радугу; пока исполнялись комические куплеты, прошел легкий дождик, и теперь в умытом небе изогнулся семицветный мост, по которому в соответствии с мистическими представлениями саблезубых тигров приходят в жизнь новорожденные котятки. Только я хотел рассказать и об этом, в городе появился мой старый друг.

— Ну ты разветвился, — похвалил червяк, глядя на мою растительность. — Рассказывай скорее, что у тебя интересного? Я ненадолго.

Я попытался описать, как выглядит радуга, но не смог. Так бывает с теми, кто знает тебя давным-давно. Говорить с ними не о чем, да и не нужно. Без того хорошо. Пока мы с червяком молчали, глядя на спящую кошку, мне показалось, что это — самый счастливый день в моей жизни. Тогда я еще не знал, что так оно и было.

— Какие новости? — спросил я.

— Дай подумаю, — мой друг спешил обратно, опасаясь припекающего солнца. — Вроде бы много всего, а что конкретно — трудно вспомнить. А! Личинка перевернулась на другой бок.

— Ну, привет передавай.

— Передам, — червяк наполовину ввинтился в землю. — Вот еще что. У нас говорят — засуха скоро. Может быть, вернешься?

— Ни шагу назад. Наше дело правое, — отшутился я с кавказским акцентом, а сам подумал: "Вот что меня здесь держит? Радуга? Дружба с котятками? Пара ярко одетых людей?" Волны сырости, которые принес с собой старый друг, показались атрибутами рая и бросили в меня зерно сомнения. Сомнительный каламбур — зерно внутри растения, однако, так оно и было. Но память осяяло фиолетовое БИБИ, и все колебания исчезли. Вот что меня здесь держит. Любопытство. Какие буквы будут следующими?

— Ну, как знаешь, — сказал червяк. — До встречи.

В тот вечер котят вместе с чемоданом унес дворник, от которого не исходило совершенно никакой информации. Отчаянная мяукающая сиамка побежала за ним, а когда вернулась, мои нижние листья в один момент увяли от ее отчаяния. Напрасно я пытался развлекать подругу историей о том, как некий двоичный кот изменил движение спутника и что из этого вышло. Кошка, казалось, оглохла. В один из дней ее нашла хозяйка и унесла домой.

В темное время суток БИБИ по-прежнему мерцало тайным знаком, символизируя тщетность и бессилие любого знания перед лицом тайны. В одну из таких ночей появились старые знакомые. От них исходили волны алкоголя, азарта и страха. Не произнося ни слова, мужчина и женщина пригнули мою верхушку к земле и принялись обрывать верхние листья, однако, скоро их что-то остановило. Меня отпустили, но из-за поврежденного ствола я остался в согнутом положении.

— Это мужское растение, — с досадой сказал мужчина. — От него никакого толка.

— Что взять с мужчины, кроме денег? — ирония в голосе женщины была такой ядовитой, что я успел почувствовать — назревало выяснение отношений.

— Вот что, — сказал мужчина. — Мне никогда не нравилась твоя манера говорить в лицо одно, а за глаза — другое. Прощай.

Они разошлись в разные стороны, а между гаражами еще три дня висело облако разочарования, быть может — моего собственного. Ведь все у них сложилось бы иначе, услышь они дальше о том, как отомстил огонь пленившим его людям и, согравая, научил мерзнуть, потому что заставил забыть о тепле их собственных сердец.

Мои же дальнейшие обстоятельства складывались таким образом, что кроме неоновой загадки ничего меня не удерживало не только в городе, одно из имен которого пахнет воском, но и в самой жизни. Жара сменилась пеклом. Земля стала такой горячей, что червяк ушел на недостижимую глубину. Теперь дороги назад и в самом деле не осталось. "Куда вы удалились, весны моей златые дни?" — донеслось однажды из окна. Дальше я, к счастью, не слышал. Красивая мелодия и сильный голос могут оправдывать тупость текста лишь до известного предела. Эта же песня была испорчена одним словом. Кем, скажите, надо быть, чтобы назвать весенние дни — золотыми, то есть — желтыми? Ох уж, этот шанс.

Мне остается лишь БИБИ — неоконченный текст о тайне, скрытой только от меня. Все вокруг затянулось торфяным дымом. Я перестал разветвляться. Мой ствол лежит за гаражами, он больше мне не нужен.

Как выяснилось, мою подругу стерилизовали за легкое поведение. Одного котенка ей оставили. Его зовут Финансист. Историю о теплых сердцах так никто и не услышал. Вам интересно? Дождитесь весны.

Ольга ПРОНИНА

Летіла ластівка весняна,
На крилах несла запах квітів.
Розкинулася ніч духмяна
Широким полем оксамитів.
Ховалась вічність поза зорі,
Наповнювала землю сумом.
І сивий місяць у просторі
Блищав назустріч моїм думам.
А зорі падали додолу,
Котилися по небосхилу.
Та сіялися в душу кволу,
Даруючи цілющу силу.
І так чудово пахли квіти,
Чуття палали полум'яні.
В такі часи маленькі діти
Народжуються, Богом дані.
Яка краса навколо в світі,
Прозора ніч дарує спокій.
Чарівність срібної блакиті
Квітки зібрали синьоокі.
Очікуючи на світанок,
Земля завмерла в насолоді.
Розстане зоряний серпанок.
Займається зоря на сході.

Изысканность украинской речи

На этих Святках Анатолию Глушаку, замечательному украинскому поэту, интеллектуалу, переводчику, исполнилось семьдесят четыре года, впереди год юбилейной подготовки... Передать тембральную изысканность его живописной украинской речи — задача невыполнимая, а вот хоть приблизительно отобразить зрительную привлекательность его стиха пыталась я, Галя Маркелова...

На Троицу
с утра, часов так в пять,
я — сват лиману, журавлю,
пока не заморились птички щебетать
на лучиках зари, так, как в раю.

Дух побережья, утомившись от покоев,
пьёт небо, вымытое в росах.
Исполненное соком, как черешня,
восходит солнце над землёю грешной.

Стожок плывущего тумана
выныривает из-за камыша.
Вдали кукушка за лиманом
кукует щедро, не греша.

И веет мёдом от акаций,
и в зелье убралась земля.
Про время летних медитаций
вещает баритон шмеля.

Вплоть до обрыва тишины — покой,
паломниками тянутся маслины,
и пахнут ризы божьею полой
чабрец, пырей, вероники, полыни.

Исток отыскивал родник
в кромешной тьме до первых зорь,
морщинок колдовской узор
лёг на чело, и знак возник.

Склоняла жажда лоб к воде,
как к краешку иконы...
Нет счастья вечного нигде —
оно истаять склонно.

Вот предки отжили мои,
немы могилы.
Судьба стремится напролом
к обрыву.

И кошевых друзей реестр
уже в том мире лучшем.
Видней ли им с их новых мест
наш мусор в душах?

Я помолюсь живой воде,
между теней исчезну,
чтоб на решающем Суде
молчать безгрешно.

Заострить где бы серп,
дабы муза на луг прилегла?
Словно пуля слепая, нестерпно
пронзила шальная строка.

Закровила одна из стигмат,
не отмоленная стихом,
эхо стихло совсем невпопад,
отозваться не вышло, не смог.

Не залечит трава
ни новых, ни прежних ран.
Стали чужды слова
на погибель мою и на срам.

Чую музы проклятье:
последняя спичка погасла.
И как твой стадион, громкогласно
охнул тысячеусто словарь в одночасье.

Евгений ДЕМЕНКО

Частичка мозаики

В одном из старых одесских домов мне не так давно удалось приобрести небольшой этюд. На этюде — типичный русский пейзаж, написанный в стиле передвижников. Внизу — дата, июль 1910 года, и трудно различимая подпись. А с обратной стороны написаны имя художника и название работы — Василий Маковский, "Сергиевский посад", 1910 года 19 июля. Причём сначала фамилия художника написана как "Маковецкий".

Такая ошибка неудивительна — Василий Михайлович Маковский и сегодня известен только узкому кругу искусствоведов, потерявшись на фоне своих знаменитых однофамильцев Владимира и Константина Маковских. Более того — работы Василия Михайловича даже приписывали ошибочно авторству Владимира Егоровича. Так, например, случилось с работой "У речки", поступившей в 2001 году на экспертизу в Государственный Русский музей. И лишь когда владелец принёс на экспертизу ещё один пейзаж с такой же подписью, который, однако, своим ярко выраженным сиреневатым колоритом отли-

чался от привычной палитры Владимира Маковского, искусствоведы смогли установить подлинное авторство обеих работ.

Василий Михайлович Маковский родился в 1870 году в Киеве. Первоначальное художественное образование получил в Киевской рисовальной школе им. Н.И. Мурашко, где в то время преподавали Х.П. Платонов, Н.К. Пимоненко, И.Ф. Селезнев. Его способности были отмечены Киевским обществом поощрения художеств (1890 — 1896), где молодой художник участвовал в выставках этюдов, рисунков и акварелей.

С 1891 года, начиная со II периодической выставки, Василий Маковский стал регулярно выставляться на выставках ТЮРХ. Он участвовал во всех выставках со второй по одиннадцатую, за исключением седьмой, и неоднократно упоминался в заметках и рецензиях — как позитивных, так и отрицательных. После VI периодической выставки его работы удостоились эпитаграммы, а в 1897 году с VIII выставки ТЮРХ была продана его картина "Октябрь".

С середины последнего десятилетия XIX века Василий Маковский выступает преимущественно как пейзажист. Так, например, "Одесские новости" от 4 октября 1900 года писали, что на XI периодической выставке ТЮРХ представлены три пейзажа Маковского. Учитывая то, что выставка проходила (в доме Маразли на Николаевском бульваре, 1) с 3 октября по 5 ноября, попавший ко мне пейзаж, написанный в июле того же года, вполне мог на ней экспонироваться.

В 1899 году Маковский поступает в Академию художеств, где учится с 1899-го по 1903 год в пейзажной мастерской А.А. Киселева. С этого времени его пейзажи регулярно упоминаются в прессе с похвалой. В 1903-м за картину "Осеннее утро" он получил звание художника.

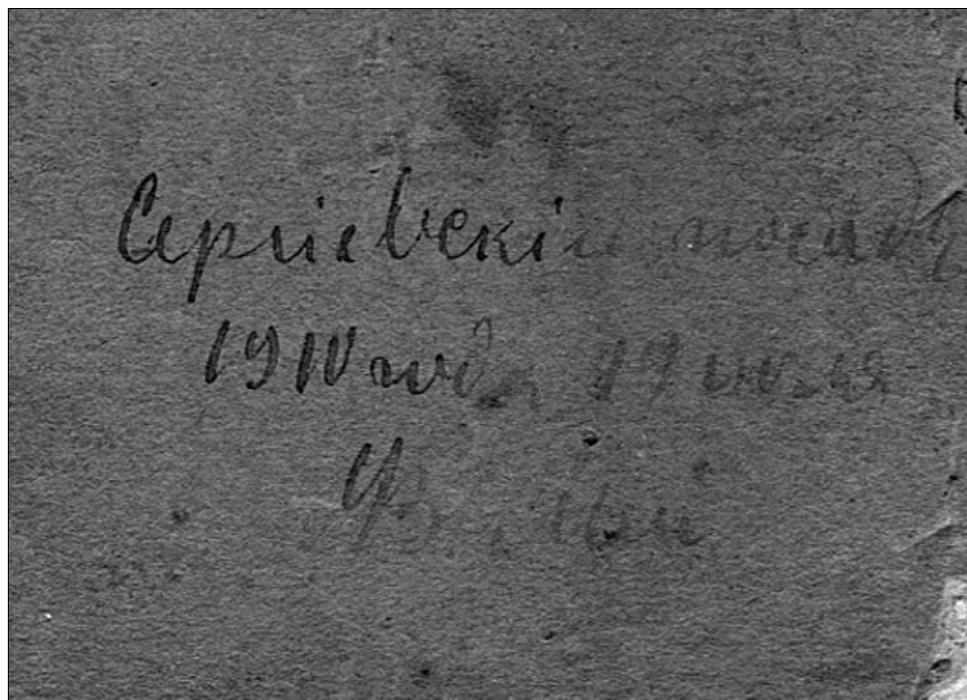
В Петербурге Василий Маковский стал действительным членом Общества учителей рисования. К петербургскому периоду помимо работы "Осеннее утро" относятся также замечательный пейзаж "Крестовский остров" и "Зимний пейзаж с водяной мельницей".

К сожалению, до нас дошло совсем немного работ Василия Маковского. Так, специалисты Русского музея указывают на то, что им известно девять его работ. Самая ранняя из них — "Сирень" 1893 года. Поздние работы относятся уже к киевскому периоду — после окончания Академии Василий Михайлович вернулся на родину. 1905-м и 1906 годами датированы две его графические работы с украинскими видами — они опубликованы в каталоге аукциона в Уппсале. 1907 годом датирован "Сельский пейзаж" — работа уже зрелого мастера. А 1910-ми годами можно датировать работу "Весна в предместье Киева" (холст, масло, 46 x 66 см; справа внизу: "В. Маковский. Киев").

В Государственном музее Т. Шевченко в Киеве находится его портрет работы Василия Маковского, выполненный итальянским карандашом. А на аукционах "Корнерс" в Киеве в 2010 — 2011 годах на продажу было выставлено несколько работ художника: "Вечереет", "Скамейка в парке", "Вечер в Украине" и "Околица".

И без того скудная информация о Василии Михайловиче Маковском исчезает после 1918 года. Известно только, что он был участником Весенней выставки картин в Киеве (1918). Дальнейшие сведения о его жизни, времени и месте смерти неизвестны.

Тем ценнее находка этого небольшого этюда мастера — как одна из частичек мозаики, как ещё одна деталь, восстанавливающая в нашей памяти его имя и творчество.

«Всемирные одесские новости» в сети Интернет:

www.odessitclub.org

Редактор Евгений ГОЛУБОВСКИЙ.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Ответственность за точность сообщаемых фактов несут авторы.
Взгляды редакции не всегда совпадают с точкой зрения авторов.

Дизайн и компьютерная верстка:
компьютерный центр ТИА "Вікна-Одеса"
(тел. +38 067-480-37-05).

Регистрационное свидетельство N 508.
Тираж 1000. Заказ N 88.
Газета отпечатана в ИПП "Печатный дом".

Адрес редакции:
65014, Одесса,
ул. Маразлиевская, 7.
Тел. 725-45-67,
725-53-68
www.odessitclub.org.